

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/Б, Тел. 1-09-13

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ИЮНЬ

1926 г.

№ 11

Продажа журнала, соединяется

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	4 руб. 10 коп.
На 6 мес.	2
3	1
2	0
Отдельный №	5

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий Издательства «Молодая Гвардия».
Москва, новая площадь, д. № 6/Б.

Она захватила сына вместе с подушкой, перекинула его ближе к себе и прикоснулась соском к теплым и влажным губам...

I

ГАША родила в первых числах октября.

Стояла сухая ряжая осень. В деревне все было рыхло: хлебные поля, кривые хаты, лес, уснувший за оконицей, и самое небо, где солнечные лучи гуляли по простору огромным рыхким веником.

Через три дня после родов, лежа в постели, чистая, омытая Агаша наблюдала ребенка, своего ребенка. Он был положен рядом с ней на приподнятый подушке,

завернутый в одеяльце из разноцветных лоскутков.

В выбеленной комнате с высокобелым полом, похожим на застывший желтый воск, было светло от игравших на солнце оконных стекол. Агаша было хорошо и приятно лежать: каждая kostочка отыхала, но всем телу стояла легкая тягучая ломота, но уже чувствовалось, как крепнет она и просит движений.

Под сорочкой вспыхнули груди; прикасаясь к ним, Агаша замечала, как, отяг-

МАТЬ

(ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА)

Г. НИКИФОРОВ, рисунок М. ХРАПКОВСКОГО

ченные молоком, они слегка ныли в соксах. Приникнувшись на локоть, посмотрела на ребенка и улыбнулась: живой комочек тела, розовый и пухлый, спокойно посмотрывал в потолок, и была на лице его какая-то необыкновенная мудрость, изредка морщил он крошащий нос и двигал губами, только глаза оставались неподвижными. Агаша заглянула в них, углубилась глубокой черной прозрачности и узнала себя...

— Ух, какой важный! — выговорила она, и собственный голос, нежный и тихий, показался ейчересчур громким. Ткнувшись лицом в одеяльце, позвала полушепотом, полумыслом:

— Милый мой сынка, сиротинка несчастный, — и тут же почувствовала, как в свертке одеяла задвигалась и недовольно пискнуло.

Быстро поднявшись, Агаша села в постели и опять ощупила под рукой угол в напруженных грудях. Она захватила сына вместе с подушкой, перекинула его ближе к себе и, наклонившись, прикоснулась соском к теплым и влажным губам.

Мальчишка крепко ухватился деснами, капельки молока брызнули и растеклись. Мать невольно дернулась; прошла легкая щекотливая дрожь. Она рассмеялась. Лицо ребенка покрылось капельками молока, он забавно чмокал губами и тинул, тинул... Дала другую грудь, и сразу стало легко и приятно, свалилась какая-то неловкая тяжесть. Отняла грудь. Ребенок, успокоенный и сътый, довольно засопел и, должно быть, опьянев, закрыл глаза.

Захотелось осмотреть всего и, осторожно развернув одеяло, она прежде всего припала лицом к нему и с жадностью, позабыв обо всем, вдыхала густой запах молочного прели. Длинные распущенные косы Агаши укрывали сына.

И вот показалось, что само солнце, ввалившееся в комнату, рассмеялось всем своим золотом на выбеленных стенах.

— Глядите, мои милые, — послышался за изголовьем кровати вкрадчивый старческий голос, — чего она с ним делает. Ополоумела, задушила младенца.

Агаша наспех сунула ребенка в одеяльце и покраснела, захваченная всплеском.

Около стояла хозяйка — Устинья Игнатьевна.

— Чего ты, говорю, ребенка мнешь?

— Люблю я его, — застыдившись, ответила Агаша, — мой он, не чай-нибудь...

— Знамо, не чичики, как не любить. Только, по-моему, одно скокрушение тебе с ребетенком будет. Да и то: подумай, куда с ним? Бабочка ты молодая, во всех видах расприкрасная, от женихов отбою не будет, а тут на-ко тебе: дите на руках.

— Я, тетенька Устинья, замуж не пойду.

— Еще чего выдумай. Девкой-векушей быть хочешь. Теперь мальчишку обзаюкнить нужно, вот ты и подумай — как при одной девичьей фамилии. Смотри, в бумагах так и пропишут: незаконно-племенной. Тебе же от него на всю жизнь покор будет.

Устинья Игнатьевна ткнула в сторону ребенка.

Агаша расплакалась. Обильные слезы падали на лицо, и соленая горечь их, раз'едая тело, процикала в сердце.

— Ах ты, касатка моя неразумная. О чем плакать-то, — еще мягче и ласковее заговорила Устинья Игнатьевна. — Замуж выйдешь — другого наживешь. Ка-кие твои годы, были бы только охота.

Агаша молчала, и уже казалось ей, что собирается где-то зляя непогоды, и день потускнел, солнце с'ежилось, то-ропливо убежало за черные облака, пронзительно засвистал ветер, хлестнул по земле больно, как пощечина, закрутил, завертел ветер, осталась Агаша одна. Голо на земле, но за что Агаше ухватиться, чтобы устоять на ногах.

Мысли — цепкие репы, сразу не выдернешь. Расстроилась, придумать ничего не может, а старуха словами — ровно то-ненким буравчиком в голову:

— Есть у меня в городе полковник один, с женой вдвоем только... давно о детях страдают. Вот им мальчишко и того... Сколько радости будет. Они его окрестят и за собой запишут по-настоящему. Чего молчаний? Я тебе за родную матерь, не с худым чаем.

Устинья Игнатьевна, искоса посмотрела на Агашу, в раздумье пожевала губами и поднялась.

— Ну, ин ладно, не буду тебя в расстройство вводить. Может, сама все обдумашь и образумишься, поймеш свою пользу.

Потоптавшись, не услышала ответа и ушла.

Ночью Агаше не спалось, голову по-прежнему одолевали мысли:

«Обманули и выбросили. Барин получил удовольствие, уплатил деньги».

Все это она поняла теперь, когда осталась одна.

«Глупая, поверила, хотела себе кусочек счастья. Побоялась и даже не со-противлялась». Думала — так надо. Теперь, вот, ребенок, и кругом — никого!.

Мысли, накопляясь, давили большим грузом. Появилась головная боль.

И вот вынырило откуда-то тонень-кое острое жало озлобления, даже душно стало, тело покрылось сухим отжимом, головная боль увеличивалась, мучила эжадка.

Агаша поднялась, отыскала в полуутоме воду, сделала несколько глотков. Вода показалась горькой и противной теплой. Прошла в маленькую кухонку, нащупала корягу с квасом и с большим наслаждением выпила полный ковш кисломороженой жидкости. Сразу выступила приятная истома, и, когда снова легла в постель, почувствовала, как под ней плынет куда-то кровать. Во всем теле прошла необычайная слабость...

Поутру заботливая Устинья Игнатьевна нашла ее в полубреду. Разбросавшись в постели, она хватала широко открытым ртом воздух, плакала, кого-то звала и, с видом помешанной, бессмыслиценно говорила глазами. Рядом, отброшенный к стене, надрывался в крике голодный ребенок.

ДВЕ НЕДЕЛИ провалилась Агаша в родильной горячке. Случалось, была без памяти, бредила и кричала, называя в бреду чьи-то имена.

Перепуганная Устинья Игнатьевна, два раза гоняла в город своего мужа — добродушного и очень тихого старичка — Никиту Афанасьевича. В первый раз, когда Агаша лежала в беспамятстве, вернулся Никита Афанасьевич из города с боевой колясочкой; барыня катила в крытой колясочке, а Никита Афанасьевич мчал впереди крупной рысью на тряской уродливой кобyle.

Барыня пробыла недолго, всего каких-нибудь полчаса; посидела на чистой половине у хозяев, выпила кружку молока, поговорила с Устиньей Игнатьевной, после чего старушка присела завернутого в одеяльце ребенка. Барыня, осмотрев, осталась очень довольна и тут же велела переложить ее в новое и багровое белье. Вскоре она вышла, держа ребенка на руках, укрывая его полой ротонды.

С низкими поклонами проводила ее Устинья Игнатьевна до коляски, и, когда пара лошадей вынесла коляски на поворот дороги к городу, старуха оттерла кончиком рукава сухие глаза, вздохнула двойным глубокими вздохом:

— Ну, господь с ним. Может, вышиний сподобит младенца к вольготной жизни.

Никита Афанасьевич встретил жену осторожным шопотом:

— Смотри, старуха, как бы нас в ты-гульевку не сволокли за это дело...

— Каркай, — рассердилась Устинья Игнатьевна. — Помер и помер. Не крещеный младенец: в книги не вводили, к попу не ходили, кому в ум не распрашивали, кто знает, окромя матери, что младенец был. Василиса Спиридоновна? Так это ее наука, ее и ответ!

В ночь того дня, как увзен был сын Агаши, собрались вверху серые морщины облаков, пророл дождь холодный, с ветром. Агаша всю ночь металась, а около сидела Устинья Игнатьевна и молнилась про себя:

«Примите же, владыка милостивый, от муки и печали избавил. Уж заодно бы простили меня, грешницу».

Но через два дня тряская кобyla снова несла Никиту Афанасьевича в го-род — на этот раз к Василисе Спиридоновне с донесением.

Распорядилась Василиса Спиридоновна отвезти Агашу в больницу и положила в бане на ее имя триста рублей. На этом все забыли об Агаше и закончились. Люлякин, обесконечно болезнью Тепленикова, хлопотал с Клавдием об излечении тестя, про Агашу, наверно бы, окончательно позабыл, ^{так как не письмо, получено им перед} и праздничном Рождеством.

Письмо Люлякин ^{также} творило было, но потом благодарил ^{Клавдия}, что попало оно ему первому в руки. Разбежался сначала к жене, вскрывая на ходу конверт, а когда прочитал — залился неестественной для его румяного лица краской и тут же отправился не заходя к жене, на половину Василисе Спиридоновны.

В конверте оказалась коротенькая за-писка, написанная размашистым мужским почерком, с грязными пятнами и кляк-сами:

«Ты подлец и обманщик убежал от меня подля твой душа. Погоди я тебе достигну все припомнить за твой юварийский обман».

Жесть загублю так не расстанусь. И за себя и за сына отмешу». Записка без подписи, да ее и не нужна было — адрес на конверте ясный:

Матвею Егоровичу Люлякину.

Даже с припиской: «в собственные руки», а самое содержание записки говорило, от кого она, хотя в словах, пугающих и грубых, Люлякин не признавал прежней Агаши — такой, казалось, по-корней и несмелой.

Василиса Спиридоновна выслушала содержание записки и, к удивлению Люлякина, особого волнения не высказала.

— Втуле все, — сказала она. — Грозилка погрозится, тутика покажет. В отчаяньность девка пришла, ну думаю, только на словах это. Ты помалчивай пока-куда, а записочки-то у меня оставь, я ее Нестеру Карповичу покажу.

* * * Надо ли, тетя?

— Надо, надо! Уж я знаю, что делаю. Он разъяснит, с кем она вождется. Не ее слова это, сама-то не посмеет.

— Я тоже думаю, — заметил Люлякин.

— Не знаю, чегу ты думаешь, только тут дело не без умысла: насчет денег подъезжают. Напугает, мол, — глядиши, еще старая тетка раскошелится. Хотя и то надо сказать: баба за дитинка — как кошка бешеная. Ты посторегись пока. Агафья девка смирная, да кто в человеческой душе почевал: на грех и кочегра стрелят.

Люлякин вышел от тетки встревоженный. «Чорт его знает, чегу все это кончится».

Тут еще Клавдия:

— Миль, мне снислось, будто бы...

— В в первый раз Люлякин оборвал жену:

— Ах, оставь, пожалуйста! Что так снислось, когда и без того...

— Мотя, ты чегу-то расстроен, да?

— Но Люлякин уже испугался, что может случайно выдать тайну.

А в голове билась мысль: «Значит, ребенок у ней от меня... мальчик... Почему же, дурак этакий, я не спросил тетку: куда Агаша девала его, а ну, как она в самом деле «отстомит» — вспомнил он это словцо, прочитанное в записке, чувствуя, как тревога вырастала в большой страх и царялась в сердце.

Дело дошло до того, что Люлякин стал бояться выглядывать на улицу и только после вторичного посещения старого пристава, Нестера Карповича, который явился на этот раз по просьбе самой Василисы Спиридоновны, как гость, с добрым намерением выпить и откупиться пирогов, Люлякин несколько воспринял духов.

— Пренебрегите-с, — прочитав записку, отрезал пристав. — Не посмеет пакость, девка свою получила.

— Растревожился он у меня, — указала на племянницу Василиса Спиридоновна.

— Оно, конечно, — усмехнулся Нестер Карпович, — молодая супруга на-лицо — и пожалуйте-с, такой камуфlet. Однако, будем так рассуждать: «быть молоду не в укор». Кто сия девица? Приблудина, никаких прав за нее, а в случае чего — утихомирим, не беспокойтесь.

X O З Я Е В А

Л. ГУМИЛЕВСКИЙ, иллюстрации В. ЕФАНОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Непонятное происшествие во втором отделении

МЛАДШИЙ контролер фабрики, выпускавший вторую смену рабочих, второго отделения, как всегда, с ленивым равнодушным взглядом пропорными глазками в суетливой толпе Талбайшик держал узкую дверь, чтобы не прерывать живого потока и стараясь заглянуть наружу, подставляя длинный нос ослепительным лучам солнечного света.

Рабочие выходили спокойно, шуршали за дверью от света. Молодежь слышала сухие, хозяйственные их разговоры смехом, топотом ног и криками.

Положительно ничто не предвещало даже самого незначительного происшествия. Суровый окрик контролера произвел на выхивших, со своей неожиданности, впечатление весеннего грома.

Он крикнул:

— Ветроват!

И тотчас все огнянулись. Проходившая мимо него женщина, худая женщина с огромным животом, стильно прикрытая концами теплой шапки, покинула от испуга. Она была бледна и бы ее не поддержал тотчас же щедкий радио старый kleymonщик, она, вероятно, упала бы на пол. Общее замешательство тотчас же струило в узком проходе толпу. С быстротой прохожавшего тока всех обогло неговдование.

— Что надо? — крикнул кто-то зло из-за ее спины.

Первый отстик, как искра, взорвал гул ропота:

— Напугал, чорт, как!

— Ты не видишь, парень, в каком она положении?

— Разве можно пугать так, дьявол!

— Пахомов, помоги сей! Иди на воздух, Наташа!

Пахомов, насмако вытерев лысый череп, неуклюже попробовал было помочь Наташе сдвигнуться с места, но безуспешно.

— Смотри, словно оглушили ее, проклятый!

— Чего тут? — и то вздрогну!

— Шенок!

Контролер притоскался к обомлевшей женщине и посмотрел на Пахомова с неумолимым суровостью. Но так как работница была действительно перегнана на-мерть, то он вынужден был, склоняя бубы, сказать:

— Всегда, или сядь? Не загораживайте проход, товариши.

Пахомов и подсобниковый Павлушка, работавший с ним, помогли Наташе пройти в маленький каморку рядом, служившую когда-то для обмылок, теперь же приспособленную для подачи первой помои.

Пахомов и Павлушка довели Ветрову до кленичатой кущинки и, смутившись ее слишком заметной беременностью, тотчас же вышли. Дежурившая в каморке фельдшерница направилась в дверях, в коридоре, на лестнице.

Павлушка, уходя, поднес к самому носу контролеру кулачок:

— Ну, Городков, погоди!

Володька Городков, контролер, паренек безусый, розовогубый и тощий до сухости, только присущился и буркнулся:

— Прокляди.

— Я-то пройду, а вот ты — гляди: в другой какой раз и не выйдешь. Не коммунист пока еще.

Контролер вздрог откликнулся, выправив грудь, и кинув ноги голову:

— Я коммунист не на бумаге, а на деле, а скоро и вступлю в ряды, как ответственник и хозяйственник.

Павлушка расхохотался:

— Откуда ты произошел, Городков, — сказал он, рассматривая затянутого во френчики парня с прелестной наспечкой, — а?

— Из класса трудового населения, — ответил за него, но очень схоже передразнивая, какой-то угрюмый рабочий.

Все рассмеялись.

Городков отвернулся, делая вид, что не слышит и не желает ни слушать, ни вступать в пререкания.

— Не задерживай других, товарищи, — поддержал его табельщик, — живей проходи...

Живым потоком Павлушка отнесло от контролера, и табельщик проворно помог ему выбраться за дверь.

Этот за мон неоднократные выступления, как эпизитика интересов нашего Советского Союза Республики, — сказал Володька с достоинством.

Табельщик махнул рукой:

— Да помочь бы ты, товариши Городков, тошно уж.

Проходившие прислушивались. Володька замочил, оттопынил губы. Ехидной придирчивостью и наглой подозрительностью он восстал наяву против себя, но чужими руками себя стоявшим на высоте служебной долги.

Теперь, уязвленный, он только с больными винами вспоминал каждого проходящего, не забывая думать о том, чем можно было бы отомстить Павлушице.

Тогда, между тем, двигалась, как волны, сменя друг друга. Здесь, на глазах контролера, спокойствие, как будто, было восстановлено, но за дверью, под солнцем толпа вырастала, как снежный ком. Они обратили не только выхившимими рабочими, но и бежавшими с улицы и проходившими мимо.

Из машинного отделения примчалась замасленный, закопченный паренек.

— Тебя, чорт, не хватало, — разразились ему хохотом измазанную сажей рожу, — не в кресты ли целинцы?

Он замахнулся:

— Постали спросить — что у вас тут?

Никто уши толком не отвел, но ссыпавшиеся кругом, как яблочки из прорваного мешка, тяжеловесные шутки, разъяснили ему в чем дело.

— Рожает? — завопил кочегар. — Неужто? Как же это так?

— Это уж ты у акушерки побольшойстыней.

— Да это что же стоит? — в больницу, чай,

— Сейчас и возьмут.

— Да вот она самая жизнь-то рабочая, — вздохнул Пахомов и перекрутил головой безнадежно, — вот она какая...

— Паренек, чай, заставляя ходить,

— Как она, милая, вдруг — зашаталась, зачухалась и чуть на пол не лянулась...

Сочувствие мешалось с любопытством, кое-что пытался заглянуть в окно, но они были зашвашено, и в щелку ничего, кроме угла белого шкафа с пузирьками, не было видно.

Потолкавшись на месте, стали уже расходитьсь любопытные. Табельщик плотно притворил дверь за последней вышедшей из отделения работницей.

— Плачет, — шепнула она.

Ее окружину было с распросами, но тут снова дверь отворилась и на пороге показалась сама Наташа. Шаль она носила на руках. Вытресканные в нее засыпали на ее девичьи таджи, ловко перетянутый лаковыми кушаком.

Пахомов перекрестьялся.

— Господи помилуй, разродилась уже!

— Светопреставление какое-то. Ребенок-то где?

— Наталья, неуж мертвого родила?

Наталья молчала, но с высокой поднятой головой, в тоине ульяной на горевшим отгнем чайнике, чайничко никому не отвечая нисходила.

За нею — гурбою, донимая:

— Наташа, да погоди!

— Наташа, где ребенок?

— Наташка, и мне не скажешь?

Молоденная девушка вцепилась в ее руки, вырывалась, скажи зубы:

— Отстанешь, коли так... — проворчал

Пахомов и остановился прутеть потешившую под шапкой лысину.

И вдруг в ошалевшей, растерянной толпе, раздался смущенный хохот. Павлушка сквачалась за голову, бросил на землю шапку и застыла, застыла, застыла от удивления его смеха.

Он покривился первым же словом и не мог ничего сказать. Он мгновениями смолкал, чтобы сказать что-то, но, взглянув на угрюмые вгляды

...Дверь отворилась, и на пороге показалась сама Наташа...

Наташа...

закатывавшиеся от изумления лица окружающих, захватывали заново, как ребенок.

— Да над чем ты, Павлушка? Скажи!

— Ой, не мо-о-о-оту, — взмыгнула снова тут и залилась оглушительным смехом, — рожи-то у вас... рожи-то! А Наташа-то, Наташка-то!

И, подавив, наконец, свой смех, начал он говорить.

Все слушали, однако, его без улыбки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мертвый хватает живого

ПОЗДНО вечером в тот же день, Володька Городков сидел в фальконе и засыпал падец за ремесло тут переставивший новенький туужурк, типа английского френча, докладывал разноголосицу:

— Наконец, случай сегодня. Это уж исключительный совершенный случай. Что-то непредставимое! Сортировщица из второго отделения, — да, заглянула в записную книжку, присущую близоруким глазам, — да, из второго, сортировщица Наташа Ветрова. Месяца три уже, как она ходит на работу с животом. То есть мы все считаем, что беременна. Теперь, оказывается, что фокус: идет на работу, накручивает шапку, а с работы — подвязывает кусками холст. Кому же, в самом деле, в голову может такое прити.

Сидевшие за столом переглянулись. Секретарь хихиканул. Председатель взглянул на него, и обернулся к Городкову:

— Как же вы сегодня?

— Узнал стороной, — сообразили?

— Каким образом?

— Соседка ее сообщила...

— Партийная?

Городков помялся и махнул рукой:

— Совсем другое! Личные счеты у них из-за парня одного...

Председатель поморщился и промолчал. Задумчиво покрутил пальцем на височке:

— В старой коробке, действительно, безобразно воруют. Надо пограничник контролировать.

— При чем тут контроллеры? Отстрелялись Городков...

— Однака, если контролер не при чем...

— Разрешите контролю настоящие обыски, тогда и подтянемся...

Председатель поднял лениво руку, утиная их. Они переглянулись, как схватившиеся ми-мохом петухи, разлилые водой, и смолкли.

— Дело, ведь, не в том, товарищи, кто виноват, кто больше виноват, кто меньше...

— На Поречной машинаструе давно уже отменены всякие обыски... вставал член фабкома, — но там круговая порука. Нужен минимум сознательности...

— У нас есть сознательные ребята...

Председатель снова поднял руку и, когда все охочты замолчали, сказал тихо:

— Мы хотели поговорить о том, что можно сделать. Нет ли каких готовых предложений у кого-нибудь? Вопрос ясен совершенно. А временно могу...

Городков с изумлением взглянул на жестянные тиканющие часы, висевшие на деревянной стенке, отдеялившей уголок в конторе для фабкома, и ничего не сказал.

— Андрей Карлович, что вы думаете?

Старший контроллер, высокий, огромный человек болезненной толщиной, курил беспрерывно коротенькую трубку, молчал. Голубые когда-то, теперь заметно выцветшие глаза его равнодушно поднимались от пола на стол, но по лено не досконально до лица председателя...

— Думаю, что контроль у нас станет хорошо, случаи всегда могут быть. Лет через десять, никакого контроля не будет, а пока так, понемножку... лекции, доклады. Это у своего места не плохо... А так что же—растяжеленное привычное выражение не вышибешь.

Тихонько, чуть-чуть отдававшая неподдельную любопытством, речь повисла тяжестью в дымном воздухе под извозным потолком. Городков нетерпеливо ножкал племяннику, только отвернулся к раскрашенным диаграммам на стене и стал их рассматривать с преувеличенным вниманием.

Секретарь наклонился к нему:

— Это—которая Петрова. Ты, что с Сурком?

Городков мотнул головой:

— Из-за него и соседка донесла?

— Ну, так это—его штучки!

— Сурок?

— Ну, конечно.

Блеснувшие были багряньем любопытством глаза Городкова померкли, и он сжал рукою:

— А ну их к черту, дадиша!

Он прошелся мимо диаграмм,

— Ты вторую серию «Чортова Колеса» видел?

Председатель постучал карандашом по недовольному, и Городков, кротко повернувшись на ка-блужках, отошел к своему месту.

— А мастера в отделении чего глядели?

— Мастер хотел кушать и не скориться с ними.

Это уж чорт знает, что такое.

Угрюмый член фабкома с шумом отодвинул стул и забегал по комитете взад и вперед, постегивая себя по ляжкам с хваченным со стола линейкой.

— А мы ведем дискуссию по вопросу о том, нужны ли обыски... засмеялся секретарь. Председатель, задумчиво пасячи, готовился было ему отвечать, когда Володька перебил резко:

— А с Петровой как?

Дискуссия на отвлеченные темы не могла его занимать. Весенние сумерки наливались в окна с непрерывной быстрой. На разном небе светлой как облако, стала видной луна. Он был вымыт, одет по-вечернему, причесан, тут же перетянут ремнем; торчать в фабкоме не было сил. Он подумал о сухих, только что вытоптанных дорожках фабричного поселка, по которым сейчас затапают его начиненные сапоги, и с тоскою отвернулся к окну:

— Петрову под суд,—бормотнул он, торопясь развязаться с и Петровой, и с фабкомом, и со всем этим прислуживанием,—процесс сделает по-казательный. Закатка года на три со строгой изоляцией, тогда и другим будет не повадно...

Председатель посмотрел на него, усмехаясь:

— Раньше и не так закатывали, да помогало плохо...

— Обыски! Страждущие обыски!—крикнул заведующий.

— Да, ведь, штаг контроллеров будет дороже, стоять, чем все краденое...

— Принцип важен.

— Нет, давайте подумаем, товарищи.

Володька раздраженно забарабанил по столу и закурил. Он ни на секунду не мог забыть наступавший за окнами вечер, весна, вся жизнь охватывавшая его, как хорошо сшитый френч; они пришли к нему ловко, как сапоги, и были удобны не менее, чем теплые карманы, куда ловко засовывались руки. Черные трошки, легко скрывавшие морозом, в ночь, теперь уже довели его до окна, завешенного тюлем. Столго постучала эдва слышно в стекло, чтобы за них, отдернув ткань, показалась рука, и сейчас же—серые огромные глаза уставились во счастья в цвета, изволившими отыскавшим там чуть видных черт человека.

Городков застучал о пол концом сапога и оглядел всех. Дряхлый инженер, опирающийся на стулом на краешку палку, нурясь на окно, качал головой. Председатель усмехнулся и, так как все задумчиво примордили, заметил:

— Об обысках мы подумаем, а пока что...

Он помолчал и спросил:— сколько во втором отделении партийных рабочих?

Меньше, чем в других.

Секретарь поклонился лициками, пошелестел списками:

— На старый корпус вообще меньше приходится.

— Начнем с того, что первенец туда с полдюжины из нового корпуса, можно даже с аппетитом... Свежего воздуха пустим... Ведь нельзя же, в самом деле, чтобы рабочие из крысиной раскашивали свои заборы пакетами красками. А новый поселок весь ими выкраслен—ведь эти деньги можно было бы эмалью покрыть. Это приключилось наследство нам изъять труднее всего. Мертвый хватает живого...

Володька встал и, воспользовавшись первой же минутой в речи председателя, сказал:

— Я не нужен больше?

Председатель, кинув голову, и Володька, на торопливые крики.

Но за дверью, с деревянной лестницы он скатился на шариком и, очутившись на улице, пошел с торопливостью, не мешавшей ему, однажды, уловить удобные сапоги, ловкий френч, весенний вечер и всю жизнь, удававшуюся ему, как сапоги и тужурка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЮЛЬ ЗА СТЕКЛОМ

МАЛЕНЬКОЕ ОКНО, завешанное тюлем, было крайним окном нижнего этажа двухэтажного каменного корпуса старой фабрики, теперь переделанного под общежитие. За окном Городковъ ждала.

Едва ли шь он постучал, как пыньяный лягушонок, за отодвинутой занавеской, по белоснежный и накрашенный, тотчас же затрепетал. Девушки в малороссийских кофточках и парни, расшитые на нем, сгруппировались, исчезли в складках, за отодвинутой занавеской в окне увидел Городковъ деятелиничко и сержант рукою приподымающие мрак за окном глаза. Володька улыбаясь, прижался к стеклу. Нос его расплылся и девушка, засмеявшись, вышла открыть дверь.

Она провела его темным коридором, держа за руку. Он споткнулся и на асфальтовом, выбитом в ямы полу и ворчал.

— Жалда мечи, Аия?

— Аия? — едва успел спросить он,

— Еще как! Где ты пропадал?..

— В фабкоме задержали, чорт его возьми.

— Почему?

— Подняли из-за этой Наташки Ветровой целую дискуссию...

— Ну и что же?

Она остановилась перед дверью. Городковъ посмотрел на нее, сиро и огрызнулся:

— А я к чортку все! Чертко!

— Ну что? Чертко?

Он проворно обнял ее и пополз вниз:

— А я к чортку все! Чертко!

Водопадъ всплыла из-за нее, прошел между рабочими и сел на стул, спиной к остальным кроватям.

Голоса их синхронизились до шипота, хотя никто не обратил внимания на вошедших, да и при желании не много было можно разобрать в этом огромной комнате, тесно заставленной кроватями, столовами, шкафами и стульями.

К тому же все заняты были собою.

Две девушки в красных повязках с наприжением вниманием смотрели на шахматную доску, не решивши приподняться фигуры. Одна из них со смехом протягивала руку то туда, то сюда и убирала ее проворно, как от огня.

Водопадъ через плечо отглянулся на них и отвернулся воротом:

— Вот тоже занятие, кому дела нет...

Дальше высокая худая женщина широкими чулками, за нею рядом на двух постелях, пытавшись, прикрывались газетами лежавшие там. В самом дальнем углу кто-то, нагнувшись, разбирал маленький сундучок.

В комнате было тихо и широки переворачиваемые газетами листов был самым разбривым шумом.

Водопадъ издохнул:

— Надо срочно: отработашь свои часы, так мало—иди в фабком, или туда, или сюда. То собрание, то заседание—некогда отдохнуть и с собой заняться.

Он вытянул ноги, поблескивая сапогами,

для того, чтобы подчеркнуть свою необычайную энергичность, побеждавшую даже и ужасные условия жизни.

Девушка, заметив, оглядела его насмешливо:

— Ты же занимаешься собою больше других.

— А чего мне это стоит?—отрезал он.

Она насмешливо прибрала со столика разбросанные вещи и торопливо сунула под подушку загнутую книжку.

Он вытянул ноги, поблескивая сапогами...

— Так же сегодня в фабрике говорили, — изнана она, выплыла из Натальи, — а?

Володка оглянулась еще раз назад, вытягивая руки, чтобы схватить левушку. Никто, как будто, не прислушивался и не глядел на них, их проворонил:

— Пойдем в кинематшку, что ли! Оттуда зайдем ко мне. Как это вы тут живете...

Ани не отвечала, расправляя обнимавшихся парней и девушки на занавеске.

Он продолжал:

— А в этом уголке уютно. Если бы тебе комната дать или квартиру, какой бы уют ты разыграл!

Она села рядом на кровать.

— Ерунда! Ты скажи, что с Наташей будет?

— А тебе-то что?

— Она хорошая девушка, жалко. Она у нас жила, вот на этой кровати спала, — Анна трупа соединила кровать, — а дружила с ней. Кто ушла к Сурку, так все пропали...

— Нам-то что дое?

— Ничего, конечно.

Она задумалась и точно сквозь зубы выговорила:

— Да парня выбрать уметь надо...

Он ее заметил странной задумчивости в ее разговаривающих словах, но, усмехнувшись, замыкал руку за ее спину и потянул к себе.

Будет, — шепнула он, — ведь не за этим же меня ждала Веда Жданова?

— Ждана, — сердечно сказала она и повторила,оживляясь, — ждана, Волода. Ах, как ждал!

Но так же же? — прижалась к нему плецом, потянувшись губами к ее губам, но отшатнулся и сказал, — пойдем в кино, куды-нибудь!

Ани смотрела на него со странными любопытством, похожими на подозрение. Он увернулся от ее взгляда. Она отвела взгляд:

— А, погоди. Никогда мы не пойдем. Давай поговорим, посидим, а потом я провожу тебя домой.

— Да в чем дело-то?

Она улыбнулась.

— Ты вот что, Волода, мне посоветуй. Принеси мне в голову штучка одна, не знаю, как быть...

Она осторожно посмотрела на него. Он ждал с любопытством.

— Ну, ну, не тыни...

— Думаю я который уже день...

Она говорила нерешительно, точно ждала, что он нетерпеливо обогреет ее. И он это сделал со смехом:

— Да ну, что же? Платинко, что ли к Пасхе задумала?

Она сложила на груди руки с какой-то базарной поклонностью, так как повесилась с самотечной, что всякий разговор у них постоянно спасался и говорили они друг с другом, как споткнулись, не угадывая никогда, о чём думал другой.

Покачав головой, она промолвила тихо:

— Совсем не о том я, Волода...

— А об чем тебе кроме думать?

— Неужто не о чём?

— Совершенно ни о чём, — деловито проподял он, — пустяки все это. Собираяяца да пойдем.

Она вздохнула, как проглотила воздух: нужно уж было дойти до конца, чтобы после не рассказать, — скажется...

— Нет, погоди! Может быть, ты мне советаша...

У меня несчастье — человек вылетает...

Он поднял на нее пустые, сумрачные глаза:

— А мне-то что?

— Тебе, может быть, и ничего, а тому, кто работает...

— И тебе дела нет. На это инженера есть...

— А вот мне пришло в голову, — говорила она, не слушая его, — что можно сделать такую планочку к вершинку батыра...

Он покраснел, вынулся. Волода жестко и тупо обогнул ее, какая укоризненно головой:

— Неужели тебе это не надолго? Какой же у тебя все-таки узкий горизонт?

Она не поняла:

— Ты думашь только у меня одной. Да ведь у нас в отдельности у всех, да и не у нас только — везде человеков из зева вытас...

Тутурился, ласково обнимавшая все тело, салоги и карманы, а за nim и вечер и весь жизнь перестала радовать. Володка дернулся на кровати.

— Слушай, Анна. У меня такое правило: днем я на работе, трубою свое и не хуже других...

А если я вечером иду к тебе, так не для таких разговоров, — доделал и без тебя!

Он развел руками:

— Да какой чорт мне такие членники нужны?

— Да ты послушай, Волода. — Ничего не хочу слушать. Айда в кинематшку!

Денушка растерялась. Губы ее скисли. Серые глаза стали холодны и бесцветны.

— А что же тебе нужно?

Он покраснел, — ремень, вытащил ноги, поблескивая сапогами:

— Надо сейчас в кинематограф пойти, вот. Посмотреть, как люди живут... — Он вздохнул, — сами по-собачьему живут, так хотят на картинке настолько жизнью посмотреть. Мешаешь ты в тебе многое, добавил он с сарказмом, и, безнадежно опровергнувшись кругом, остановил отталкивающий взгляд на занавеске — дальше человека в тьме ничего не можешь. Эх, ты!

Он встал:

— Ну, пойдем.

Она разглядывала его, точно впервые: видела. И показались ей вдруг убранные и жалкие его салоги и френчи и пробор на шаткочке расщепленной гложе.

Она вздохнула — все это так недавно и ей нравилось...

— Я не пойду, — ответила она.

— Почему?

— Не хочется.

Он растерялся и повесил на складку скал ее руку:

— Анна, что это значит? — Ничего! Хочу посидеть дома...

Он подчеркнуто оглушил ее, — кровать с горячей изпод подушинкой, обернулся назад с усмешкой, буркнулся:

— Хорошенький дом! Есть где посидеть...

Она выплыла:

— Тебе не нравится? Так никто тебя не берет здесь...

— Ани!

Он вскинулся и оглянулся. Со средней кровати пропадаясь чья-то голова. Володка повернулся к Анне с угрозой и прошипел:

— Смотри, Ани!

Она взглянула на него слишком открыто, чтобы он не заметил обидной жалости к нему. Она опустила глаза и прошептала с странным выражением:

— Я все вижу, Волода. Теперь вижу, — поправилась она.

Он раскрыл рот, чтобы ответить. Она торопливо взяла его руку и потянула за собой:

— Пойдем, я тебя провожу. Ты иди, а я остаюсь.

В коридоре он, наспех брови, остановился перед нею. Анна отвернулась от его готовых помыслиться с оттопыренными губ объяснений с такой же досадой и равнодушием, с какими он отваживался к окну от дискуссии в фабрике.

Он все-таки успел сказать:

— Ани, если не хочешь со мной сорваться, то сбирайся и пойдем...

Она сурово прошла коридором до двери и, открывая ее, ответила:

— Мне тоже неинтересно на глупые картиники твои смотреть.

— А мне интересно о членках разговаривать!

— Ну и разойдемся на этом.

Он злой шагнул за порог. Анна торопливо захлопнула дверь и наложила громыхающий крючок с такой небрежной жесткостью, что стук его за дверью эхом разнесся в коридор.

Она набросила картуз и вышел, кусая губы.

Ани задумчиво постояла перед захлопнутыми дверьми и, покачав головой, вернулась.

— Ушел? — равнодушно окликнула ее девушка, не отрываясь от шахматной доски.

— Ушел.

— А ты же что?

Ани махнула рукой и, ничего не ответив, прошла к своему столику, зажгому между кроватями.

Этот угол ее в общежитии, только что наскоро убранный и вообщем-то всех поражавший своей опрятностью и чистотой, а на Городзкую извзвиний мечты об уюте, показался ей пустым и привлекшим, как пробор на Волздыковой голове, чуть-чуть сплющенную со лба.

Она прошла в узком кирпичитке между кроватями, заложив за спину руки. И может быть, в первый раз она не остановилась у окна за занавеской поглядывая еще раз в Волздык через стекло, когда он проходил мимо. Она не только не взглянула, но даже не заметила, что на этот раз не сделала этого.

До его прихода она была переполнена тихой радостью своего открытия и с таким изречением ждала Володы. Теперь же, взъерошившись круже в своем углу, чувствовала она себя опустошенной.

Как это мы сошлись с ним? — воззмущено подумала она и пожала плечами, отогнувшись: как будто могла с полю, со стеклом или с краюзи позабыть ответ, — ее излишним.

— Аника, не мотайся, — проговорила.

Она посмотрела на ворчащую и, поняв, что заспанный ей самой мечущийся тенью, легла на кровать, прикрыла глаза: тогда варяк, как из тьмы, выплеснулся наружу теплый луч — Володька ушел и можно было без помех думать о своем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Прямое продолжение второй

ТОТ САМЫЙ парень, из-за которого все рухнуло у Наталии Петровой, молодой красавице Соне Сурковой, вытесненный с фабрики за воровство два года назад и с тех пор чему-то носивший вместо фамилии короткое прозвище Сурка, сидел перед Наталий бледный и зловоний. Новенькие сапожки на нем скрипели от злости, когда он тер их каблуками друг о другу.

Наталия стояла перед ним, поморщившись, с усмешкой:

— Ну, что же, Сережа. Проживем, чай, и без того. И лучше еще, — улыбнулась она, опуская глаза, — теперь, как прогонят, я у тебя полная хозяйка в дому. И посторонних не будет... А сейчас ни то у нас семья, ни то холостяк ты. Не поймешь.

Она закраскалась. Сурок сунул руки в карманы кульками и встал:

— Чево-то? — заорал он вдруг, — чено-то?

— А что же... — всхлипала она, — али без товару и я не нужна?

Парень со злостью стукнул кулаком по протянутым с мольбами ее рукам и сказал глухо:

— Нет, как же! После мануфактуры буду твоим бабым мясо и торговать. Тифу, дура!

Наталия отодвинулась от него. Она еще не понимала, но уже ширину ее глаза от ужаса, хотя губы еще шевелились умоляюще:

— Ты же говорил, что любишь, Серега? Мы же на хозяйство, на обзаведение, говорили, копили? Неужели все ма-ло? Серега... Да ведь ежели все сосчитать... Сколько я тебе перенесла.

Сурок подошел к ней, дерко скакв ее руку, отшвырнул от себя:

— Ты меня в это дело не пушай, говори! Я тут не при чем. Я знаю ничего не знаю и знать не хочу. Слышишь?

Она смотрела на него с изумлением и страхом.

— Да зачем же я бы на такое пошла. Да что же я сама выдумала с животомходить? Не ты учил?

Сурок поднял огромные кулаки над ее головой.

— Замолчи, дура!

Она отшатнулась. Он усмехнулся:

— Успыши соседи, на смех поднимут: и этой пустой штуки сама выдумала не умела.

— И это честь — твои воровские штуки знать?

Парень расхочтался нагло:

— А не честь — не бралась бы. Другая бы делала, да не попадалась.

Он скакал кулаки с силой и зло крикнул:

— У, стерва! Такой секрет сорвала. Чтоб тебе пусто было! Еще полгода коритьться можно было.

Он покружился на кирпичной коминатке, схватил картуз. Наталия отступила к дверям, точно заграждавшая собою выход. Он остановился перед ней.

— Вот что, Наташка, — просто сказал он, — ты меня к вечеру уберись, куда хочешь. Иначе я тебя сам выкину. Мне в твои воровские дела, чтоб вовсе не путьться! Слышишь?

Она смотрела на него в ужасе. Стены падали на нее, и сам парень шатался в ее глазах. Она задыхалась:

— Серега, как же я... Как же все это...

— Наш с тобой разговор кончен, и спасибо мне сказки, что я не избил тебя в кровь за то, что ты такой секрет сорвала. У, дура!

Она прогнула к плечам его свои руки. Он отодвинулся и они упали бесцельно, как неживые.

— Сережа, чай, любил ты меня...

— Мало ли кого я любил: без любви с бабами коммерции не делается.

Она молчала. Она отшвырнула ее от двери, так что она опустилась на пол и осталась на нем.

— Помочь тебе брататься?

Тогда Наталия заскрипела, что именно с этой девушкой раньше шлялся Сурок и стала пятнадцатой беспричинной невестой, с которой вестя и по всяком поводу заведывала она Наталия.

— Знаю, что не нужна ты тему больше, — проплакала та.

Наталия поклонилась ей, — тоже поклонилась. Руки у нее дрожали. Огромная обида передергивалась в сухую злость и пальцы на руках выпрямлялись, как когти. Она смотрела в зелени глаза с будущей инспирированностью и разжалла губы.

— Так это ты, Татьяна? Ты?

Татьяна, хихикая, раскрыла дверь и стала на пороге с вызывающей усмешкой:

— А хоты бы и я!

Наталия, морща лоб, запинчилась в ее лице, глаза, волосы с такой же удрученной силой и страстью, с таким проворством и животной доводчивостью, что могла только визжать в реветь, глядя и имея возможность вырваться.

Темный коридор заскрипел дверями, затулел хохотом и криками. Сципинчики девок, катавшихися по полу, окружили со смехом. Но на свету мелькнуло окропленное лицо Татьяны, тогда кто-то из стариков спокойно принес из кухни воду бодрости и под обици хохот выпил ее из иномагничных девок.

Мокрых и опешивших их унеге непрудно было приступить по своим комнатам.

Броткнутая дверь, Наталия почти упала и так осталась на полу. Стада охвачены, бешенство, но на сердце стала растягивать глухой боли и горечь.

Так пролежала она до глубоких сумерек. Тогда, поднявшись, она, как невиданный, осмотрела темную комнату, точно ища выхода. Дверь была плотно прикрыта, в узенькой щелку под ней висела полоска света.

По коридору прозвучали шаги. Тогда, точно еще раз облизав воду, Наталия искала и стала хватать свои вещи.

Она набрала их в руки, потом, сквачив спички, бросилась зажигать огонь. Газовый рожок висел высоко, она подставила стул и вздруг с еханием сняла зажигалку спички. Наталия из открытоего рожка газ испытнула с легким взрывом и пламя его странным образом плеснулось в горячие щечки девушки.

Она отстранилась и вздруг замерла, широко раскрытыми глазами, страшными глазами... глядя на огонь.

Потом, как подхваченная вихрем, она собрала свои вещи, сlixхородчайной торопливостью и неожиданной ловкостью связала их в узел, одеяльно, опираясь даже волосы, туго повязавшись платком. Когда все было собрано, она застаскала огонь и снова открыла кран. Она постояла минуту; резкий запах быстро напитывал воздух. Наталия засунула полоску света под дверь, сквачила узел, заперла дверь и положила клюп, как всегда, в нальднерную щелку, ушла.

(Продолжение следует)

— А что же... — всхлипала она, — или без товару и я не нужна?

— Чтоб к вечеру духу твоего тут не было!

Он наклончил картуз и вышел, хлопнув дверью.

Она, всхлипнув руками, бросилась было за ним, но шаги его по коридору звучали с беспадкой уверенностью.

Наталия крикнула в последний раз:

— Сережка!

И тотчас же, облившись горячим, как расплывшийся свинец, стыдом, упала головой на руки, как будто зажимая рот.

Шаги смолкли. Наружная дверь хлопнула, и коридор напитался мертвый тишиной. Должно быть, соседи ждали, ком кончится скора, что станет делать Наталия.

Она лежала недвижно. Уйдя с фабрики с легкомысленной улыбкой, она чувствовала за свою спиной длом и непреобразимую любовь. Подруги из сортировочной не стыдились — может быть, даже из одна из них позавидовала Наталииной любви; Наталия ушла с горделивой умешкой скошенных обиходных губах и с маленькой страшной головой.

Теперь же огненный стыд налился и за утро; обожженное сердце высыпало на страницу огнем.

Наталия встала, смокнула слезы, опривала волосы и стала собирать свои вещи.

Звенящая тишина в коридоре наполнилась постепенно суето шепчущихся о событиях соседей. Этот шепот гудел за стенами, он становился отчимыми, выползая из комнат в концы коридора, и вместе с осторожнейшими шагами приближался к дверям Наталии.

Она не слышала, думая о своем.

Она поднялась только на скрип двери. В щель из коридора засматривала соседка. Наталия встала. Тогда глаза их встретились. И по щекам ульбке и по гладкому торжеству зеленых глаз соседки, Наталия вздрогнула, как ее вздал контролю.

— Ушел Сережка-то?

Наталия, думая о своем, двигалась к ней.

ПРОЯВИЛСЯ

Р. РОМАН, рисунки Д. ОСТАПОВА

Васенка набрался смелости и начал...

Посвящаю Давиду Фрилману, американскому фельетонисту, двойником которого отныне становлюсь.

ЭХ! ВЕСНА! Все растет, все тянетя к свету и теплу.

Дюи тоже тянутся,
И тоже к свету и теплу.
Конечно, кто как этот свет понимает.
Вот Вася Зимочкин понимал так:

— Вступлю в комсомол, и произойдет для меня вскрытие рек, распушение лесов и произрастание цветов. А, главное, откроются для меня все двери.

Но ведь, для наступления этой весны нужно было вступить в комсомол. А как вступишь, когда папашка и мамашка занимались мучной торогойль и в анкете их даже служащими или домашними хозяевами называть нельзя было.

Что такое буржуазная мамаша? — Гиря на ноге.

Что такое пролетарская мамаша? — Ордер на мир (не Беззименского).

Вступление в комсомол нужно было заслужить.

И для этого нужно было выделиться из общей массы и как-нибудь проявить себя.

Но как проявить, если у Васенка все среднее по средний, нос средний, ум средний и если что больное, так это только желание быть комсомольцем и получить все, от жизни притягивающее.

Пробовал Васенка себя в щаганочке, прошагнутое подумели. Ноги к «щаганочке» были не приспособлены. Лицо у Васенка наливалось кровью, руки сжимались в тощие кулаки, а ноги беспомощно и скучно драгались, не послав за музыкой. Васенка наплевал на «щаганочку».

ЧТО ТАКОЕ, Манька, политпросвет? — спросил Васенка: «ключ к счастью».

И выпытывал Васенка на Маньку свои глаза, и обознал ее задригать, и испепел по загоривку, и... получила в морду.

Рука у Маньки была твердая и kostистая, а потому Васенка не нашел в себе сил для возражения. И подумал тогда Васенка:

— Что такое женщина? — Подводная скала. О нее можно разбиться кораблю, груженому надеждой.

И новый план зародился в «средней» Васенковской голове.

— Что такое хулиган? — Моссельпром. Его каждый знает.

И Васенка попробовал стать хулиганом.

Он вошел в клуб разинченной походкой, сплюнул на какой-то плакат и с гротеском вломился в зрительный зал.

ШЛИ ДНИ, и недели, и месяцы.

А Васенка все еще не выделился

и не проился.

Даже как культурная сила.

А он ли это не испортил?

Что такое стенд? — Баня. В ней

человек приобщается к культуре.

И все ламповые познания, вынесенные из 2 класса гимназии, вложил Васенка в стихотворение в прозе, посланное в стенд.

«Красный, доблестный комсомол».

Он стальной, и глаза его железные, и мускулы его мелкие. Он развешил свои железные ряды и, не теряя перспективы, наступает на полчища глупых буржуазов, разрушает перед его стапами шлагбаумы.

Шагай же к победе и на основе выщенного единого приведи чугунный пролетариат к золотой победе.

В почтовом ящике было отчего-то кратко: «В. Зимочкину. В твоем месте не понятно, кто именно, несется на режим экономики, расстегает наизнанку колечество металла». Сообщай только проверенные факты.

Что такое почтовый ящик? — подумал Васенка: паноптикум. На него поучительно смотреть, но очень неприятно быть выставленным.

И еще: что такое ответ в почтовом ящике? — Пуговица. Вместо ордена его не привезешь.

И стал Васенка окончательно приходить в отчаяние. И дошел до таких гравусов, что хоть подвесь себя за пятку и этим прославись.

Но появился в клубе-афиши, издававшиеся на вечере самодельности.

Васенка воспирнул. Что такое вечер самодельности? — Воздушный шар. Человек может при помощи его занять вышенное положение.

И Васенка решил это положение занять.

Шагай же к победе и приведи чугунный пролетариат к золотой победе...

Зал опять заревел:

— Громче!

Васенка сделал шаг по направлению к залу, но неожиданно с треском и гротеском провалился в люк суперской будки.

СИСКАЖЕННОЙ роже и завязанным глазом заявила Васенка в ячейку.

— Разрешите, как до казаннем свою преданность рабочим маслам и не пощадившему для этой цели свою личность, подать заявление в комсомол.

Секретарь с любопытством посмотрел на Васенкову облупленную рожу и сказал:

— Не пройдет.

— Почему? — ахнул Васенка.

— Преданность не мордой доказывают.

Что такое хулиган? — Моссельпром! Его каждый знает!

Васенка ушел. В голове его вертелась грустная мысль:

— Что такое комсомол? — Китайский император. Я с ним никогда не буду знаком.

ПАНОРАМА ГОР на юг от южного хребта Ульяшта-Гау. Большое снежное пятно в левом нижнем углу снимка — Цейский ледник

КУДА ЕХАТЬ ЛЕТОМ? ЦЕЙСКИЙ ЛЕДНИК

В. МУРАЛЕВИЧ

ЕСЛИ ВЫ хотите видеть полную картину строения Кавказских гор и проследить всю историю их, если вы хотите видеть на протяжении 275 верст все пояса растительности — от полярной и пустынной до роскошно подзолистической, хотите побывать среди живых остатков древнейших народов — осетин современной Имеретии, поезжайте по Военно-Осетинской дороге. На всю поездку от жел.-дор. станции Дарг-Кох Владикавказской ж.-д. до Кутаиса — конечного пункта Военно-Осетинской дор. — надо 6 дней. Нехватает времени, сделайте экскурсию только на Цейской ледник — огромную горную ледяную реку одно из величественнейших явлений природы, которое можно видеть только среди высочайших гор, с покрытыми вечным снегом вершинами. Для восхождения на ледник необходимо особое снаряжение: лучше всего хорошая бурка, охотничьи шерстяные белье, вязаный свитер, две смены толстых шерстяных чулок, штиблеты с толстыми подошвами на гвоздях,вязанный шлем на голову, шляпа с широкими полями, темные очки, палка с железным наконечником да саженей 20 бечевки толщиной в мизинец. Конечно, обзавестись всем этим недешево; если все это недоступно для кармана, нужно ограничиться теплой зимней одеждой, которую на ледник надевают поверх летней¹⁾, простым полуобувью и непромокаемым плащем, зимней шапкой и летней кепией. Но сапоги, веревка и темные очки безусловно необходимы. Походный чайник, свечи и спички, походный ранец или мешок за спину, альпийская палка также безусловно необходимы. Запасаться снаряжением надо заранее: инци, свечи, спички можно приобрести в Дарг-Кохе.

Уже со станции Дарг-Кох в ясную погоду виден главный хребет.

Отсюда до города Алагира, где начинается Военно-Осетинская дорога, всего 27 в.; едут туда на линейках.

¹⁾ В жаркие часы синоптики зимнюю и остаются в летней.

Крепкие лошадки с места трогают тяжелые линейки, по мосту мчат вас над бурлящими волнами р. Терека и бодро бегут по дороге среди равнины, покрытых яркой зеленью. На 11 версте проезжают осетинское поселение — ст. Ардонискую, а после нее — священную для осетин рощу Хетаго. Чем ближе в Алагир, тем краснее становятся вилы, а у самого Алагира вырастают, как из под земли, целых 3 хребта гор; один из них покрыт густым лесом, другой, более высокий — только дивными алпийскими лугами, а третий — еще выше — уже весь в снегах. Все это видно, как на ладони. В город вы езжаете по громадной тополовой аллее.

Здесь последний этап перед экскурсией на ледник.

Так как на все сборы и укладку уйдет почти весь день, а в путь завтра подниматься надо рано, ложитесь спать позже, чтобы с самым восходом солнца, тронутся в дорогу.

От Алагира до Урочища Николая, откуда начнется восхождение на ледник, путь. Второй день вы употребите для восхождения на ледник и возвращения к Урочищу Николая. Отсюда уже можно вернуться и обратно в Дарг-Кох или, если есть время и средства, через Заромаг, Эцера, Альпани и дигаться на Кутаис (еще 4 дня).

Дорога до Алагира идет по долине р. Ардона, притока Терека. Она веется по левому, высокому берегу Ардона, и часто непривычные путники невольно жмутся на ней друг к другу, когда

проезжают под нависшими над дорогой гранитными громадами, в сотни тысяч тонн каждой. Так и чудится, что эти громадины вот-вот оторвутся и придавят всех, как тараканов!

На 8 версте от Алагира — серия истоchnиков. Нестерпимая вонь тухлыми яйцами от их голубых вод отправляет вас несколько минут вашего путешествия, но дальше ваше внимание отвлекает тереснейший горный аул (деревня) Биз.

К аулу можно пробраться только по дороге с узким, крутым подъемом. Дорога веется по темному ущелью, а при повороте к аулу пробивает скалу.

Местоположение аула невольно напоминает о тех временах, когда каждый

УРОЧИЩЕ НИКОЛАЯ — горная станция для туристов, расположенная у входа в Коссарское ущелье среди леса

ПУТЬ ПО СНЕГОВЫМ ПОЛЯМ. На снимке видно, что все сезоны верхней для льда, чтобы можно было убежать Сораксенского товарища

аул, каждое селение служило крепостью и мужественно занималось от всяких захватчиков на протяжении столетий. С наружной стороны аула сложено из камней нечто ерое крепостной стены. Она надежно ограждает выступ плоскадки над самой дорогой.

Вид отсюда роскошный.²⁾ Но как ни хороша картина, развернувшаяся перед глазами, а ехать нужно дальше немедля. Вы спускаетесь вниз на дорогу, мимо го-

лых скал, покрытых колючей растительностью, да жалкими кустиками полыни, и двиняется дальше по узкому ущелью Унал.

Только к вечеру подъезжает вы к «Урочищу Николая». Это—небольшая лоджия станция с комнатаами для туристов, расположенная у самого входа в дивное по красоте Коссарское ущелье. Оно прорвано водами Аргона в отрогах трехглавой горы Адай-Хох, у вершины которой и лежит громадная толща снега и льда Цейского ледника. Склоны ущелья покрыты роскошными сосновым лесом. Крупные отдельные сосны лежат по совершенно отвесным склонам, и неизвестно думается, как попали туда эти лесные гиганты? Восхождение на ледник тоже надо начинать с самого раннего утра. Без проводников ити в путь нельзя. Проводников можно достать здесь же.

Самый ледник сначала кажется только высокой, коричневою от камней и грязи стеной. Но по ней то и дело скатываются валуны и с грохотом увлекают за собой целый каменный дождь.

Начинают подниматься на ледник скопца его. Пересекаясь с камнями на камень, избирается ввысь. Кругом—все камни и камни, чистого льда долго не видно.

Они срываются из-под ног, катятся, падают вниз. Того и гляди сорвешься

БИВУАК СРЕДИ ЛЕДНИКА: те, кто поедет на Цей, не должны бояться ночевок в пластике в горах

и сам и полетишь вслед за ними. Становится жутковато. Для предосторожности все обвязываются веревкой и вытягиваются гуськом в цепь. Если кто упадет, остальные поддержат и не дадут погибнуть товарищу.

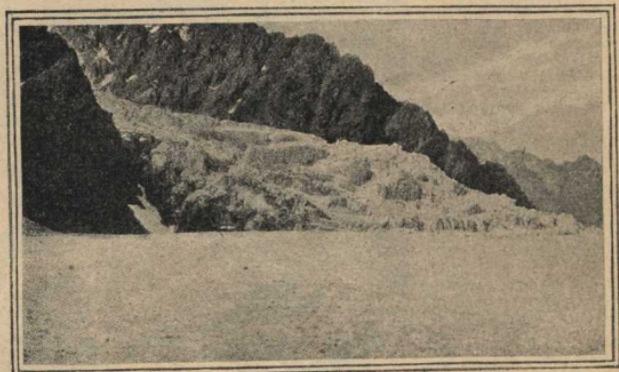
Ити можно почти час, а чистого льда все нет, как нет. Попадаются трещины, но и они забиты валунами. Только между трещинами еще виднеются гребни грязного льда. Ничего красивого. Так и хочется спросить: да где же, наконец, чистый лед? Неужели весь ледник—камни и грязь? Но нет. Вот и лед... Река, целое море ослепительно сверкающего льда!

Дивно-чистый лед, с синим отливом от голуботого неба! Любуются, вдыхая горный воздух, вы идете далее к ледопаду, целому хаосу ледяных скал, обломков, трещин и ледяных столбов.

Все смешано в нем в грандиозную кучу. Все теснится в беспорядке, свисает друг над другом, связанное огромными ледяными сосульками толщиной чуть не в поларшина и больше. И жгучие лучи солнца, заливают все вокруг ярким, ярким светом—целым морем света.

Смотришь и кажется, что вот-вот расплотится ледник от этих лучей, запенится, забурлит вода и бешено покатится вниз. Но нет. Льды стоят нерушимо тысячи

СПРАВА—ПОДЪЕМ по отвесной части ледника

ЛЕДОПАД северной ветви Цейского ледника

веков. Это лед вечный: на место ставшего сверху из огромной котловины подавляется новый. Кругом громко журчат бесчисленные ручейки, исчезая в трещинах и со звоном разбиваюсь о выступы. То здесь, то там отрываются подтаявшие глыбы и с глухим грохотом скатываются вниз. Но это—только до вечера. К вечеру в прозрачном горном воздухе лед снова все побеждает. Становится холодно—настоящий мороз—и тут-то вы и должны хорошо кутаться в теплые пальто и даже пускать в холм наушники или вязанные шлемы.

Мало-по-малу на наших глазах замерзают почти все ручейки, а солнце еще только доходит до грани гор. После синевы—через каких-нибудь 2—3 часа—снова настоящая зима.

Эти резкие переходы от жгучего зноя к холоду и есть главная беда ледниковых экспедиций. На леднике бывает холодно не только к вечеру: в каждый тени, в каждом уголке, куда не попадет солнце, настоящий леденящий мороз. Да и солнечные лучи не радость: в прозрачном горном воздухе они буквально обжигают тело, и люди загорают в холодных ледяных скалах, как в самой знаменитой пустыне. Другая беда это—яркость солнечных лучей в блестках льда и белой пелены снегов. Если смотреть на них целый день, можешь погибнуть неопасную, но неприятную болезнь—куриную слепоту, когда

человек может видеть только в полуспете, вечером да рано утром. Днем через 5—6 это проходит; но, чтобы не нажить куриной слепоты, необходимо на леднике все время не снимать с глаз темных очков.

Цейский ледник—не единственный на Кавказе; и даже не единственный по Военно-Осетинской дороге. По выходе из Коссарского ущелья дорога попадает в общирную зеленую котловину Заромаг, где сливаются целые пять ущелий. По ним идут тропы к ледникам и вершинам. Южнее Зеромага Мамисонский перевал (поги на высоте 3 верст), откуда роскошный вид на две разных миры—северный и южный, мир сказочной Колхиды древних, перехода к подтропикам южного Кавказа. На южных склонах леса вверху состоят из дивных кавказских елей и пихт, с густой, яркой, сочной листвой, хвойей. Под их яркой зеленью растут и падуб, и красивый остролист, с красными ягодами, и лавровиция. Внизу их сменяют буковые и кленовые леса, великолепные ореховые деревья, обвитые дикими виноградными лозами в ногу толщиной; а еще ниже—роскошные рододендроны, азалии, кусты дикого жасмина, папортьника в саженях ростом, и, наконец, смоковницы, гранаты с огненными цветами и красавицы-мимозы. К северу от Мамисонского перевала вид этого не увидите, и, если есть только хоть малейшая возможность, двиньтесь дальше до Кутанса; поезжайте—жалеть не будете!

ТУДЫШКИН ЗАВОД

М. ОСОКИН, гравюра П. СТАРОНОСОВА

На окраине, где-то
в городе...

Из песни.

ЕСЛИ ВЫ развернете план Ленинграда, то внизу, в юго-восточном углу его, где синей ленточкой вьется вонючий Обводный канал, где притаились от города окраины с громадными металлическими заводами, текстильными фабриками, вокзалами, кинотеатрами, тракторами и клубами, вы найдете, может быть, и не найдете. Может быть, рассеянный чертежник, усердно занятый вычерчиванием бульваров, площадей и проспектов, совсем забыл простиовать его на краю плана, где пойдут уже огородные пустыри да постолые дворы, и замостили кампостойкой переулочек.

Да что чертежник! Старик Путылов, стоявший старожил Нарвской заставы, слышавший и выстрелы десантников, и взрывы бомбы Гриневицкого, переживший на своем веку 5 русских царей, не знал, что совсем близко от него затерялся в кривых переулках один чумазый шлагбаумец. Малютка совсем. Он родился под последние выстрелы гражданской войны — в декабре 1920 года.

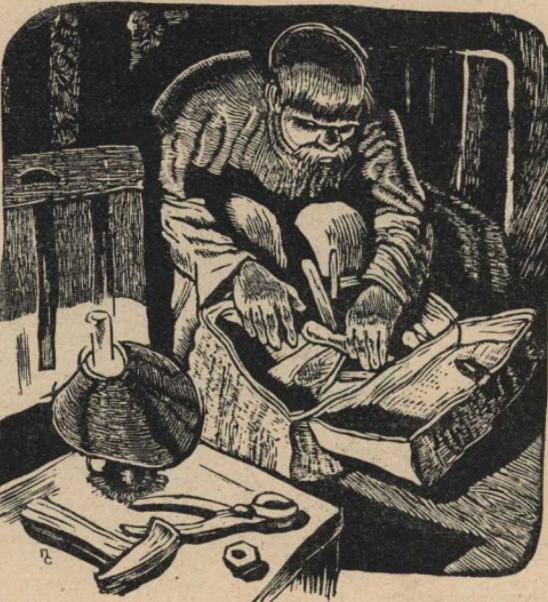
Маленький октябрек был назван «Юным Пролетарием». Барышня в ЗАГСе Сониахоза равнодушно занесла в актив нового человека, равнодушно подумав: «Придумают же имя — Юный Пролетарий».

«Юный Пролетарий» родился, а старый Бренер умер. Хуже: бежал за границу, оставил после себя кладбище ломаного железа и стали.

Трудно себе сейчас представить картины разрушения, проделанного бежавшим заводчиком. Окрестные громили заширили мерзкую работу Бренера и растащили завод «по винтику и по кирпичику».

Но вот пришли победители. В студеный декабрьский день 20 года, на брошенную противником позицию. Они были нищими, как ящерицы и летучая мышь. Они — несколько преподавателей и учеников. Они хотели работы и хлеба. В их кармане лежало формальное разрешение секции закрытых заводов ЛСХН на право «владеть и править».

Бренеровский завод должен был превратиться в завод железнодорожного фабзавуча. Каменные трибуны завода должны были зажечь вопреки воле его бывшего хозяина.

Корзинка с железным хламом есть под каждой рабочей кроватью...

ВОЙНА И МИР

СТАКАНЫ... Не те, из которых мы чай пьем, а те, что в 1914—1916 г. наводили смерть и ужас на галицийских и польских полях. Стаканы валяются на земле, лежат сложенными в мастерской, как соты улья. Ржавые. А рядом травка, свежая, зеленая, густая проросла. Так и прет из земли. Война и мир...

Здесь эти «стаканы» и готовились. Тысячами... Миллионами... А теперь новое поколение рабочих приучается работать. На станках. С напильником. Резцом. Молотком. И с книжкой...

Война и мир...

Здание плохо отапливалось. Занимались в шапках и пальто с поднятыми воротниками. «Фабзайчики» и молоты и просили, что называется, «христом-богом», чтобы их освободили от «теоретических занятий», от книги. «Мы пришли учиться работать на станках, а не с книгами...

Эта общая черта всех школ фабзавчух. Историческая чертотка. Большинство пришло с улицы. Когда-то раньше они занимались одну-две зимы в школе. Когда они явились в школу фабзавчу, у них совершенно не было навыка к умственной работе. Мозг одревесневел.

И вот с такой аудиторией вступили в бой старые интеллигенты-педагоги. И, конечно, обожглись на молотке. Они ни разу в своей жизни не сталкивались

с такими «учениками». Это вам не «единая трудовая»... Тут-то и встретилась заковыка. Где же взять учителей к этому «особого рода индивидууму», как выразился один старый педагог о «фабзайчиках»?

В РУКОПАШНУЮ

Что значит русский бой удалым? Наш рукопашный бой...

КОРЗИНКА с железным хламом есть под каждой рабочей кроватью. В эту корзинку складывалось все, что постепенно приобреталось и потихоньку таскалось с завода. Напильник. Резец. Гайка. Шпинцы.

И вот, в 1921 году эта корзинка вновь выдвигалась из-под кровати и обладатель ее, выложив на колени добро, начинал мучительно думать: «что бы такое снести в завод?»

После полуночи пойдет такой «миллиардер» толкаться на бараках, в железные ряды купит инструментишку для... завода.

В столярном цеху «Юного Пролетария» было

всего 5—6 ломанных verstakov. От инструмента осталось одно воспоминание. Где же достать? Инструмент делали из основных дров.

Ученик, как-то случайно нашедший среди дров два кленовых полена, был похож на того матроса на корабле Христафора Колумба, который однажды утром в туманной дали увидел за горизонта землю.

— Клен!

— Клен!

— Чорт возьми! Два кленовых полена! Ура!

Столярный цех ликовал. Этот день был настоящим производственным праздником «Юного Пролетария».

Благодаря этой ценной находке, — докладывал на заседании дорожно-металлической комиссии зав. учебной частью, т. Александринский, — столярный цех изготавливал себе: два рубанка, шерхель, два зангузила, 15 рейсмусов и 25 угольников.

ВОЛГА В ПАДАЕТ В ДНЕПР...

ЭТУ СЕНСАЦИОННУЮ новость сообщил мне мой друг, которому пришлоось принимать участие в работах приемочной комиссии школы во время последнего набора в фабзавчух. Пред столом комиссии прошли сотни рабочей молодежи, окончившей «пятилетку» —

¹ Тогда еще были совзнаки.

советскую начальную школу, юноши и девушки, стучащиеся в ворота наших машиностроительных и металлических заводов.

Он сел за стол комиссии простым педагогом, а встал, нагруженный такими знаниями в области географии, социологии и естествознания, какие не силились современной науке.

В своих работах испытываемые советские школы авторитетно разъясняли своим педагогам, что «14 дек. 1825 г. Николай II устроил революцию, но революция обиходилась не так хорошо, но когда услышали об этом дебакристы, они стали наступать и разбили в пух и прах». Другой, углубляясь в эпоху так разъясняет корни восстания: «14 дек. 1825 г. произошло восстание октябрьстров. Они хотели помочь крестьянам доставать разные машины, чтобы ускорить крестьянские дела». Один из историков совершенно опровергает приведенные выше даты и авансом устраивает восстание (он это пишет в октябре прошлого года):

«14 дек. 1925 г. в СССР был рабочий бунт насчет крепостного права. Во время этой бойни рабочих в СССР царствовал Николай I». Советский школьник, хладнокровно учитывающий крепостной вексель Николая Палкина. А последний из них с грудью описывает финал неудачного восстания: «Их повезли на автомобилях на мучительную казнь, части расстреляли и так кончились печальным видом восстание лекабристов».

По вопросу: «в каком году была Октябрьская революция — показания советских школьников несколько расходятся. Некоторые утверждают, что в 1905 г., другие, напротив, — в 1921 г., трети сходятся на том, что Октябрьская революция могла произойти никак не раньше 1923 г.

Область естествознания также обогатилась новыми познаниями. «Глаз», — оказывается, — есть часть жидкого мозга». «Лист состоит из сосочки, которая тянет жидкие соки».

«Корнеплоды — яблоки, груши».

Самая значительная область открытий принадлежит географии.

Все утверждения о том, что у нас существует какая-то западная граница от моря до моря абсолютно неверны. География самая лживая книга на земле. В одной из представленных работ советская граница от Одессы-мамы спокойно спускается до Мыса Доброй Надежды и обходит вокруг Африки.

На берегах Волги завязался спор. По одним — она впадает в Днепр. Другие говорят, что в Балтийское море. Предлагаем Академии Наук снарядить специальную экспедицию в поисках настоящего устья.

Полосов тоже не два, а четыре! «Западный, восточный, северный и южный».

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ: ДАЙТЕ РЫНОК СБЫТА!

ЮНЫЙ Пролетарий* помаленьку работает. Но у него нет заказов. Завод ищет заказов. Как корабль, застигнутый в море циклоном, он взывает о помощи.

Завод рассыпает: всем, всем, всем службам Сев.-Зап. ж. д. перечень имеющихся у него изделий. Но никто не отвечает, никому нет дела до завода.

Неужели ты решил расстаться со С М Е Н О Й !

ЕСЛИ—НЕТ, то помни, что 1 июня кончился срок высылки журнала для подписавшихся на первое полугодие

Присыпал скорее подпись!

6 мес.....	2 р 20 к.
3 "	1 " 15 "
2 "	— 80 "
1 "	— 40 "

Но, чу! Сигнал бедствия услышан. 15 мая 1925 года замастерским т. Чистов делает в школьном совете предложение.

Ряд изделий (воронки, рукоятки и т. п.) рожают кладовой школы, а школа не имеет материала в достаточном количестве и посему считал бы возможным разрешить продажу изделий за счета служащим и ученикам.

Предложение было принято — рынок сбыта найден.

Все это — дела не так давно минувших дней, — создало плохую славу заводу.

Ученик, случайно нашедший два кленовых полена, сделался героям столярного цеха

Окрестная молва поздравила его с новой октябрьской:

«Тудышкин завод».

Говорили, конечно, не так. Это я для печати. Чтоб бумага не краснела.

БОЙКОТ

НОВЫЙ молодой советский рабочий, фабзавучиник, несмотря на благожелательное отношение к нему советской общественности, рос, как пасынок. Надо сказать правду.

Но, должно быть, мало того, что он, как белый медведь, мерз в своих берлогах мастерских, что он для заведения мерзлими руками отрывал на заводских задворках машины, что он получает гроши, которых едва хватает на прожитие, — теперь, когда он покинул свою школу и перешел на завод, как пополненный рабочий, его начинают травить.

Он повидал за свою бытность в фабзавучинике администрации и хозяйственников. И худых и хороших. Сочувственных и недоброжелательных.

И уж не ему обижаться на всякие прикинки. Он и не обижается. За ученическую практику он отстриг достаточно крепкие когти и умел, где надо, наступать и отрываться.

Но совсем нехорошо, если это недорожелательство пойдет со своей стороны.

Самолюбие мастеров больно задело новых «конкурентов» с цитовским твором. Они разбивают ночами работу литециков и овладевают ей.

Конечно, стариким неприятно слышать, что паровозы после ремонта «конкурентов», после тысячевестного пробного пробега носятся еще месяца четыре, а паровозы, выпущенные старой заводской гвардией, после 400-верстного пробега частенько возвращаются в паровозную амбулаторию.

У «стариков» — безудержная погоня за сдельчиной.

У «конкурентов» — серьезное желание сдать хорошую работу.

«Старик» хорошо понимает, что если сегодня его «конкурент» делает хороший пловун в 3 часа вместо 2, то через 4—5 месяцев этот час (3—2) испарится...

**

СЕРИЯ Н-в, номер семьдесят пять. Упр. С.-З. ж. д. Телеграмма № 744 23 января 1925 г. Т. Ч.-5 на № 20 колии У. Т. Ч.

Во измениние телефонограммы моей от четырнадцатого января номер «шестьдесят пять дроби триста четырнадцать» открывайте в первый участок без задержки паровоз Н-в номер семьдесят пять.

Зар. Т: Терпугов.

Это было в январе. А сейчас весна. Паровоз серии Н-в № 75 давно ушел, победно протрубив в пространстве. От него в заводской канцелярии остался лишь лоскот бумаги. В ней сказано, что отремонтированный учениками паровоз прошел больше двух тысяч километров, не «садясь» и, благодаря этому, хозяйственники стали считаться со школой. Престиж школы поднимается, а вместе с тем появляются и заказы.

Пусть это будет добрым началом, новой страницей. В летописях завода «Юный Пролетарий» — паровоз серии Н-в № 75 займет место рядом с двумя кленовыми поленьями.

XИНУС — это Сибирь, свистит, на-
пригло легкое, да и что лято
и пронзительно свистит! Вот
весь воздух — ледяная игла, и лято
выхлестывает в нас и тянет, и ты-
чет. Вот проткнула и начинает рас-
сверливать. Нету меня большие! Все-
го меня рассверлило, пустая дырка
в одежде... но до чего болят в этой
дырке.

В Хинус наши лошадки шли
через Енисей, надо было Батени
пересечь, Енисей тут углом ломает-
ся, надо нам дорогой с одного берега
к другому пробираться. Шли мы с
берега к берегу, должен быть, верст
пятнадцать, а Сибирь свистела тонко
и лято, сквозь нас свистела.

И потом только — Саяны... Вы-
сокие, темные Кедрач. Небо, как
накрашенное, золотобежевое краской,
и солнечное, все время блестящее, солнце
рыжее, ягучее, преизбыточное,
из свету нельзя податься, из глаза-
стернейшая мука: ведь снег... блеск,
как от миллиона прожекторов.

Шли мы вверх на верту. Потом
вниз на подпоры. Потом еще раз
вверх на двери версты. По-
том опять вниз на скольз-
ко-то. Потом вверх... Я
со счету сбился, не знаю,
сколько раз там трепа-
лись. В общем — верст
тиста. И считалось это,
что мы пришли за край ми-
ра. Перевалили самы-
и соки! Буйволинский
перевал, через Мирикской
хребт, — пошла глад-
кая степь, вымощенная
выструганная, как стоя.
«Ну, — говорят ямщики, —
скоро рассчитывайтесь нам, привезли тебя.

— А куда вы меня привезли, что это за место?

Уринхай.

И был так 3-го апреля 1925 года.
От Москвы отехали пять тысяч верст. Всюна на-
чались, полюшь шел черной, мокроватой, но не
очень мокрой, слизью. Потому что в горах снегу
на щеки аршинами, он полежал еще два-три
месяца, а то и больше. А тут, в Уринхае, за всю
зиму снега выпало меньше три...

Вот мы спустились с горючокательной и —
стая, новая страна, новая, иная земля, другой
мир, не наш. В головах стены, дощатые деревянные,
крохотный, молоденский. Навстречу
выскаивает из него маленько в юбке, сестра-
ричневый, на голове валившая юбетка с бед-
личным хвостом-шишаком. В домике, в пустей-
шей комнате, на полу сидит старый коричневый
человек в шитых узорами сапогах, с накручен-
ными краевами ковшами и трубки, длин-
нюю, в пол-аршина, курил. Это таможенник и
чиновник и начальник погранчицы Танну-Тувинской
Народной Республики.

Переводчикон у узнает содержание наших
документов и отдает распоряжение: осмотреть,
визуализировать, пропустить. Мальчонок с любо-
вьюством выслушал, кивнул, весь и, находясь
спинами, прошептав себе коробку... Часа через
два мы выехали в страну, лесу и озерах, олу-
ротворенном снегом море, между нами и озера-
ми, издалека островами гор. Дорога не-
гиная, лежащая пудей, и первая чигона
единственная по головам нескончаемого шест-
тистия столбов — так начинается эта закупоренная
страна Танну-Тува.

Танну-Тува — это сердце Азии, самая середка,
и эта сердцевина замкнута горами, высоченными
вокруг верхом кольцом. С севера могучий
горный хребет смын отгораживает от СССР.
С юга еще более могучий хребет Танну-Ола, а за
ним — великая киргизско-алтайская путь-
стя Гоби, Монголия. Пересеченные и попад-
ем в Тибет, а за Тибетом — знаменитые горы,
единственные в мире, Гималаи. И под ними, к
морю — спускается гористая Индия.

В недавние времена случилось забавней-
шее дело. Старый ворина, императорский Кита-
й, поровнял слизнуть все, что ни близко, что
ни далеко, зацепил и Танну-Тува неизвестно.
А молодой и сугубо хищный империалист цар-
ской России тоже не прочь был сократить, края
угодно — и тоже напустился на Уринхай.
Но оба разбойника, и старый, и молодой, были
не только жадинами, но и невежественными. И
когда стали договариваться о границах и об хо-
тели друг друга обижнуть, то... Танну-Тува —
у них высыпалась между пальцами и —
чезла.

Тувинская семья

ЗАТЕРЯННАЯ СТРАНА

(ТАННУ-ТУВА)

ХАИР, снимки автора.

Чудо видело отого, что ягдбаци подходили
из юга, и было перед ними хребт Танну-Ола. Рус-
ские подходили с севера и были перед ними хре-
бтом Саянский. Каждый знал свою хребт, а про
другой не подозревал. Каждый из них доказал
свои права на Танну-Тува... и каждый остался
по свою сторону своего хребта, а тувинцы по се-
редине в чешуко-пропали...

Счастливники!

Не, такие уж и счастливчики. Разве нам
не все равно, кто с нас ширкуру дерет — чужой
или «свой»? У тувинцев есть своя знать, хотя
они не имели земельства до сих пор не видели, а за-
нимались скотоводством и кочевали со своими
стадами с места на место. Эти кызы обирали
«войд» народ не хуже иначе, чем стали это
делать с тувинцами кытайцы, когда, наконец,
убились географии и залезли целико в горную
чащу Танну-Туву.

Когда китайские солдаты с ружьями эзбили,
зашевелились «кинчи, обиравцев», вооруженных
луком и стрелами, и когда вслед за солдатами
пришли чиновники бодгаханы, кызы китай-
чи, оказались, что они в тесном «городке»
с тувинской знатью, они спились за милую душу
— и остались, покрепче тувинские кызы
господами живота и смерти своих «обиравцев».
«Форин» — называли китайцы побежденному
стране «Обиравзия».

Для китайцев, для порабощенных Китаем
народов в 1911 году, началась величайшее собы-
тие — китайская революция. Китайцы обрубили
свои косы — знак рабства маньчжурских бодгахан-
и — свергли самых бодгаханов.

Монголы подняли восстание и прогнали ки-
тайских мандаринов, посаженных бодгаханом.
Тувинцы...

Я расскажу вам, как воевали тувинцы.
Поглядите — вот из темнених пропастей по-
дымаются отвесные и нестрые стены тунгусов
гор. По широковатым этим, исцарапанным сте-
нам ползут вереницей муки, большие горные
мухи... Ночь уходит из Танну-Тува, из горной,
глубокой чащи, через западный перевал, через
богатый и развалистый круглодол Алтай, ночь
последне вытекает студеной струей в Самар-
скую Башкирию. В вышине сияют белые сне-
говые копи. А внизу еще тьма... А муки ползут
по светленим изцарапанным чугучтыными тро-
пинками стене, муки ползут по четырехугольных
горах, двухглавых и страшных мухах. Вереница
их вдруг враз бросается вспять.

Один всадник из середини стражи провали-
вается отвесно, как на листу бумаги, он падает
вниз — очень далеко... во мрак, еще не до да-
текий, еще не обнаживший донце чащи. Корот-
котельные лошадки мчатся скачками по тутой

и нерезкой царепине на стене. Ляд-
верховые не держат поводьев, она
цеяются из железных трубок, пред-
назначенных к пальям, и бьют в сос-
точную стену, в такую же вереницу мух,
последовательно искачут. Это — грандиозная
война тувинцев. Это — национальная
революция в сердце Азии.

Арат — гремченик должен побе-
дить! Болгары, китайцы с Кемчи-
ком, с горы на гору переползали, как
белки в осенний орешек кедра. Самодельные ружьи, рулем, луком и
стrelами, каменьем сперху вонзя-
вали с китайским войском — и вон
из страны выбыли грабителей, тор-
гующих разбойников и разбийчай-
щих купцов.

Но русский царь только того и
ждал. Когда тувинцы прогнали ко-
тасцев, онтих и скромно послал
отряды, кавалерии и... «Урайнхай»
был благодарен! Бузду, Эмэй и еще кучу других более мел-
ких ботов за милостивое присоедине-
ние к русской короне.

Увы, русской короне не повезло;
 ее постигла судьба китайской... Но
все же, конечно, это было тру-
дно. Рабочие дрались, мунжинские кызы
и всех других многочисленных национальностей, уте-
ченных russkoyей коро-
ной, — все дрались.

Тувинские мужики, тоже дрались. Их
помогали русские мужики, мунжин-
ские сопливые в Урзине и с дочарин-
ским и, удирающие от царской ласки.

А скоты и кызы
встали на сторону своих русских «родствен-
ников»!

И в Урзинях запалилась лютая гражданская
война. По отвесным стенам снова зацарапа-
лись отчаянные люди на лошадях верхом,
и с отвесных стен они вели бой...

Араты дрались крепко. Араты не прятались
за спину русских друзей — партизан, но и пар-
тизаны-мужики не ложились спать, пока заско-
чение сюда колчаковцы, казаки Баския, не иссякли
головами. Три тысячи голов. А мужики
погибли в Танну-Тува было восемнадцать
тысяч — и осталось десять.

Вот когда СССР сказал тувинцам:

— Муки — все китайцы, потом русский царь.
Но теперь вы можете жить, как вздумаете.

И стала в 1923 году Танну-Тува — свободное
государство.

Стала Тува свободной. Но еще Тува не го-
сударство Ещё Арат не вполне завладел
своей землей.

Весь, трехтысячный война окончилась только
летом 1924 года! Танну-Тува кызы сдали лишь
последнюю попытку авантюристов — спастись.
Конечно, не смысли русским, а китайским же и существуют
закабаленные азасы... Но исподтишка преду-
смотрят — скоты — у халин за Тан-
ну-Ольский хребет и оттуда драглы и понуждли
своих новорожденных и вечно полугод-
ных джаклонов. Вышло восстание.

Народ бежал. Его скот улетал, Летом сезо-
на было заготовлено. До половины зимы на
1925 год скот держалась листвинником потом
началась падеж. И сибирская язва.

На полях и ручьях стала помирать скотина.
Летом воздух загнал джаклонов, а люди стали
жрать изъевшую падаль налепкой с червями.
И за краем мельчайшей еды у кызы посадили
под вихрь, под ночь, леденящую и полуденный
зной — посадили двадцать человек
и за шею привязали четырехгодовой цепью.
И — чего уж! — загнали двадцать ноги на тол-
стому клиншику. Потому что члены нации
революции... это еще не все, что надо драгу-

ть. После разбора гражданской войны — в самом
населенном и «благотом» хошкыне Тува Кемчи-
коже счастлив тувинец, имеющий в чане проил-
генные спички зеленого кирпича и один коровий
сосок, чтобы выдоить в этот «чай» немного молока.

Да, есть и богатые в Танну-Тува. Это — ной-
ончи, овчины и эзбили. Кызы — хошкыне феда-
льные племена, начальники-администраторы.
Они — хошкыне жизни. Они — власть. Они — суд.
Это они «питают» разоренный Кемчики, су-
жают на лето аратов коровенку, а то и два соска.

ТАЙНА

Е. ЯРОВАЯ

ВЫ СЛЫХАЛИ что-нибудь о малокровии и гнилоскровии? Не приходил ли вам в голову вопрос — а отчего же не добавить крови тем, у кого ее мало? Отчего, далее, не заменить ее свежею тому, у кого свою кровь «гнилая»? Если приходила так ответ на то, как это делается — в нашей статье. Кровь теперь умеют и обновлять и добавлять. А первый в мире Институт переливания крови — у нас в РСФСР, в Москве. На него большой спрос всюду в Европе, а в Америке есть уже целый «профсоюз доноров» — давальцев своей крови для лечебных целей.

О том, что кровь иногда следовало бы переливать от человека к человеку, думали уже давно. И не только думали, но и делали немало попыток переливания. Но эти попытки кончились только неудачами. Оперированные люди гибли в сильнейших мучениях, и уже в 1670 году такие операции во Франции были запрещены законом. В чем же дело? Инструментов что ли под подходящих не было, необходимого умения или всех свойств крови еще не знали? Было, конечно, и то, и другое; но главное, оказалось все-таки не в инструментах. Тогда, так и теперь отчасти, вся беда все-таки была в одном: мало знали «тайну крови». Сейчас эта тайна приоткрыта — и тысячи людей струями живой горячей крови уже спасены от неминуемой смерти. Ногогда эта тайна была нетронута во всей глубине и целие сотни лет ждала своей разгадки.

Бывало так: перельют человеку кровь, чисто, аккуратно — и кровь хорошая, а человек после этого задыхается. Отчего? Оттого, что произошли за купорка — сгустком крови. Оттого, что она свернулась в чужом для нее теле — и человек погибал. Бывало и иначе: перельют кровь, а она вся в новом организме растворится. И опять: вместо облегчения — смерть! И ведь что важно: на 20 неудачных переливаний непременно выпадало одно удачное, которое творило буквально чудеса: почти умирающие оживали!

Выходило как будто так, что кровь имеет какой-то «секрет»: одна кровь помогает, другая вредит; одна — все свертывается, другая — растворяется. Этот секрет, эту-то тайну и приходилось открывать. Но открыть ее оказалась способной только современная наука — и это открытие она сделала. Оказалось следующее.

Если налить кровь в посуду, стенки которой

ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ: кровь, получаемая из артерии верхней руки, смешивается в среднем сосуде с раствором лимонно-кислого натрия (чтобы избежать свертывания) и поступает самотеком в вену больного

смазаны вазелином, то кровь не свертывается. Уже таким простым средством можно избежать первой беды: срыва операции, когда доктор только что нацелил свежей крови для переливания, а она в посуде вся свернулась комком — цели новую! Другое, еще более простое средство против свертывания состоит в том, что к переливаемой крови примешивают особое вещество — «цитрат натрия». Кровь с примесью этого цитрата уже не свертывается; цитрат же очень дешев, есть в любой аптеке, достать его нетрудно и поэтому безопасная операция переливания крови теперь может сделать любой врач, любой опытный фельдшер. Но это свертывание крови в посуде еще полбеды. Хоть порой и трудно, но можно достать новую, хорошую кровь. Страшнее всего другое: беда, коли кровь свернется в жилах больного! Тогда — смерть... Как этого избежать?

Нашли и тут выход. Заметили, что кровь бывает 4-х сортов:

СЛЕВА — ДОМ, в котором помещается Институт по переливанию крови Наркомздрава — первый в мире институт — организованный в 1926 году.
СПРАВА — более крупный вид прибора для переливания крови. А — рука человека, дающего кровь, В — рука больного, в вену которого вливают кровь.

КРОВИ

снимки З. ЧЕБОТАЕВА

1) Такая, которая не свертывает никакой крови (I группа людей).

2) Такая, которая свертывает чужую кровь при помощи вещества, названного «вторым аглютинином» (II группа людей).

3) Такая, которая свертывает чужую кровь при помощи другого вещества, названного «третьим аглютинином» (III группа людей).

4) Такая кровь, которая имеет в себе «второй», и «третий» аглютинин (IV группа людей).

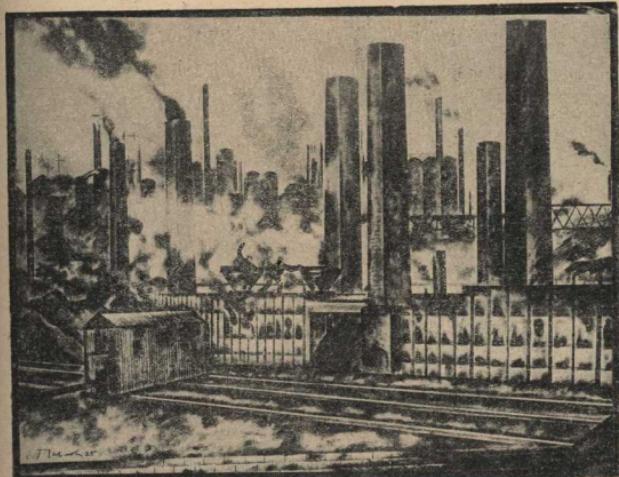
Эта IV группа — самая счастливая. Ее кровь можно переливать всем 4 группам. Почему? Потому, что I группа вообще не свертывает никакой крови; кровь II группы после переливания встречает в крови IV группы родной «второй аглютинин» и от этого не свертывается; а кровь III группы встречает аглютинин «третий»; от этого она опять таки не свертывается. Свертывание крови происходит только тогда, когда сорт крови имеющий «второй» аглютинин встречается с таким сортом, который имеет «третий» аглютинин. Нельзя, значит, переливать кровь от людей второй группы людям третьей — и обратно: от людей III группы можно переливать людям I, II и IV группы; от людей III группы — людям I, II и IV — но не иначе. Если же переливать кровь от группы III группе и обратно, то может случиться смерть и в лучшем случае — тяжелое заболевание.

Кровь, следовательно, по своему строению бывает разная и не всякая кровь годится для переливания. В этом и заключалась «тайна крови». Многое еще нужно изучить, прежде чем можно будет переливанием крови пользоваться так же, как теперь пользуются оспопрививанием или пломбировкой зубов. Но и того, что известно о переливании крови сейчас, уже очень и очень достаточно.

Когда же применяется теперь переливание крови?

По предложению бельгийца Гюстена с 1915 года она применяется прежде

AХРР — АССОЦИАЦИЯ Художников Революционной России — существует 4 года. Задача этой Ассоциации — отразить в искусстве революцию. Ахраповин тогда, когда в нашем искусстве господствовали крайние левые направления¹, АХРР одним из первых выступил за реалистическую, т.е. правдивого отражения в живописи нашей повседневной действительности. За 4 года своего существования группой АХРР было устроено всего 8 выставок; из них последняя, открытая недавно на территории Сельско-Хозяйственной выставки в Москве, свидетельствует о необычайном росте АХРРа.

На последней выставке АХРРа участвуют около трехсот художников, количеству произведенений которых достигает до трех тысяч. В прошлом году АХРР провел 60 выставок экспонатов; в этом году их должно быть около 150-000.

Какова же в основном живопись АХРРа? По своему значению все живописцы АХРРа можно разделить на две основные группы. К первой из них следует отнести произведения изображениях художников, которые, примечательны не столько своим склонением, сколько формальными достоинствами. Из них наиболее замечательным является Борис Кустодиев; этот художник, когда-то связанный с группой «Мир Искусства», дал целый ряд вещей, отличающихся

¹ Левые направления отличались обилием исканий, уводящих в сторону от правдивого изображения действительности и затрудняющих понимание «левого» искусства массами.

наряду с мастерством, огромной жизнерадостностью содержания и завершенностью форм, исключительной вдохновенностью красок.

В числе его лучших вещей следует отнести «Русскую Венеру», «Купчиху» и некоторые портреты. Формальными достоинствами выделяется также ряд венящий других художников, которые пришли в АХРР из группы «Бубновый Валет». Эти художники всегда разрабатывали задачи симметрии в живописи, их наиболее сильные были изображения природы. Вот почему посланный в Крым Илья Машков смог дать целый ряд видов нашего целильского юга, полных бодрых и смелых красочных сочетаний и заливающих бесконечным обилием солнца.

Немало формальных достоинств также в целом ряде вещей других художников, однако не это составляет главное значение выставки АХРРа.

Если бы уделяено красному календарю, т.е. изображению места быстрых историй революции, то в этом году АХРР поставил себе задачу не менее широкую. Еще за много месяцев до выставки АХРР расослал своих художников по всем нашим окраинам и далеким Союзным Республикаам. Из своих поездок эти художники вернулись с целым рядом свежих вещей, которые, все вместе взятые, не только и наглядно отражают быт народов СССР, но и не только и наглядно отражают быт всех народов СССР. АХРР — отразить в живописи был весь народ СССР. АХРР распределял свои картины по районам, из которых, нужно отдать справедливость, каждый отражен в живописи с исчерпывающей полнотой. Здесь проходит перед зрителем самые разнообразные сцены из жизни крестьян средней, южной, восточной, западной окраин нашей Республики, Украины,

AХРР

(АССОЦИАЦИЯ ХУДОЖНИКОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ)

Д. АРАНОВИЧ

Кавказа, Туркестана, Узбекистана, Сибири и т. д. Как справедливо сказал Т. Сосновский, картины АХРРа, взятые вместе, могут послужить экспонированием для большого музея революции. Однако не следовало бы подумать, что выставка АХРР только как этнографическая. Как мы уже отметили вначале, среди картин последней выставки АХРРа есть и настоящие художественные вещи. Правда, они написаны большей частью не на современные сюжеты; мы не можем подходить к живописи только со стороны сюжета. В живописи очень важно передать содержание эпохи посредством того или иного, современного для данной эпохи, стиля. Вот почему жизнерадостность, бодрость и яркая красочность некоторых художников в изображении природы могут быть нами признаны современным. Вместе с тем, главное в смысле создания искусства революции еще впереди: Революционное искусство будет создано не тогда, когда художники не будут ограничиваться одним сюжетом, а смогут нарисовать свой современный, отражающий нашу революцию, больной стиль; когда они смогут осуществить в своем искусстве не только изображения новых тем, но и передачу через форму содержания и мионошущения нашей эпохи.

СВЕРХУ ВНИЗ:

ПАВЛОВ — Конские печи в Донбассе (Сталино)

ПРОХОРОВ — Рабфаковцы

БОГОРОДСКИЙ — Вспомогательный

КАРАЕВ — Кузнец (Узбекистан)

ТОПОРКОВ — Кули (Владивосток)

СЛЕВА — УДАР ПРАГОЙ НОГОЙ: таким ударам, например защитник подает, свободный мяч на центр.

СПРАВА — УДАР ЛЕВОЙ НОГОЙ: здесь изображен игрок левого края нападения, для которого обязательно владение левой ногой.

ФУТБОЛ, зародившийся в конце прошлого столетия в Великобритании, в течение самого короткого времени приобрел мировую популярность. Он быстро перешагнул через границы своей родины, перекинувся во все страны Европы, Америки, Австралии, Африки и Азии.

Футбол в настоящее время является действительно массовой игрой и количеством игроков, принимающих в нем участие, исчисляется миллионами.

Лишь в двух странах футбол не имеет большого распространения — это А. С. А. Соединенных Штатов, где сильно развита национальная игра «бэзбол», и в Финляндии, где господствует легкая атлетика. Во многих странах футбол введен в качестве обязательного предмета обучения в армии.

Чем же объясняется такой головокружительный успех футбола?

Объясняется это тем, что футбол чрезвычайно интересная игра, изобилующая красивыми маневрами и комбинациями игроков, игра, к тому же, коллективного характера, где визуально одновременно 22 участника.

К нам футбол был занесен лет 35 тому назад англичанами, работавшими в Москве, Ленинграде, Орехово-Зуеве и в других крупных фабричных и заводских центрах.

Наши футбольисты, пронигравшие до мировой войны иностранцам с большим счетом (немцы 16 : 0, венгры 12 : 0, англичане 10 : 0), уже к 1923 году приобрели интернациональный класс, класс, которому позавидовала бы любая из европейских команд.

Мы постоянно начинаем появляться за границей, легко выигрываем у рабочих спортивных организаций, еще сильнее качественные и количественные успехи как рабочий спорт на Западе еще лишь нарождаются. Мы начинаем побывать даже буркузанье, созданные чрезвычайными заботами и вниманием, команды.

Мы, своим успехом, заставляем говорить о себе весь мир.

ФУТБОЛ

И оба они неправы.

Обвинение в том, что футбол доводит до побоищ — необоснованно, так как все дело не в игре, а в игро-ках. Можно и о понграте в «кошку и мышку» так, что участникам придется тащить в приемный постамент.

Воспитать игрока, привить ему общественные на-выки — вот как нужно бороться с проявлениями грубости на футбольном поле. Вместе с тем на грубого игрока.

Воспитатель игрока, привитый ему общественными на-выками — вот как нужно бороться с проявлениями грубости на футбольном поле. Вместе с тем на грубого игрока.

Воспитатель игрока, привитый ему общественными на-выками — вот как нужно бороться с проявлениями грубости на футбольном поле. Вместе с тем на грубого игрока.

Воспитатель игрока, привитый ему общественными на-выками — вот как нужно бороться с проявлениями грубости на футбольном поле. Вместе с тем на грубого игрока.

Воспитатель игрока, привитый ему общественными на-выками — вот как нужно бороться с проявлениями грубости на футбольном поле. Вместе с тем на грубого игрока.

Воспитатель игрока, привитый ему общественными на-выками — вот как нужно бороться с проявлениями грубости на футбольном поле. Вместе с тем на грубого игрока.

Сильные и выдержаные люди, способные в решительный момент проявить максимум энергии, изберут себе место вратаря. Энергичный и самоотверженный человек — будет защитником, человек, способный к величайшему волевому и физическому насилию, обладающим большой выдержкой, в сопернике видящим издающий мяч, хорошо распознавающим мяч, будет полузащитником. Наконец, игрок с быстрым бегом, не теряющий в быстром темпе, будет играть в нападении.

Футбол, как коллективная игра, должен культивироваться в ССРП лишь при правильной его организации, при постоянном врачебном, контроле и сознательности участников.

Решающим моментом правильной постановки игры является организация судейского аппарата. Иной раз, например, потерявший хладнокровие, игрок сам не замечает, что начинает грубить. Вот здесь-то судья и должен указать ему на неправильность его действий.

Судья, помимо того, что он должен отчетливо

знать все правила игры, обязан разбираться в них, должен быть опытным и компетентным в самой игре. Лучшим судьям являются те, кто умеет со своими племянниками несколько лет играть в футбол.

Основное качество судьи — беспристрастность. Команда, которая видит, что судья систематически благоволит противнику, невольно озлобляется и видит себя вынужденной, в качестве

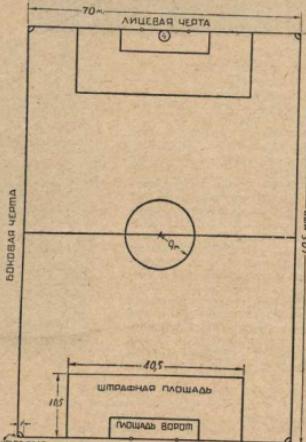
самозащиты, применять резкую и грубую игру.

Как основное правило надо знать, что выступать на состязаниях может лишь тот игрок, который хорошо подготовлен, тренирован. Ко-

гда игрок выходит на поле тренированным, то его движения точны, бысты и уверены. Не-тренированный игрок быстро получит растиражные спасок и надрывы мышц от самых простых ударов по мячу. Это правило особенно важно соблюдать после зимнего отдыха и вынужденного перерыва в занятиях.

К футбольному сезону надо готовиться за благородством специальными подготовительными упражнениями, укрепляющими связки и мышцы. Ранней весной бегают на кроссах — кутири для установления правильного дыхания. Футболист должен быть технически и статически сильным игроком. Ведь, понятно, что передача мяча или удалено проведенная комбинация всегда выгоднее, чем столкновения с противником. Когда не хватает искусства — оно меняется грубостью.

УДАР ГОЛОВОЙ: один из нападающей пятидесяти получаемый с края мяч, ударным ударом головой забивает его в нижний угол ворот, несмотря на сопротивление обоих защитников.

ФУТБОЛЬНОЕ ПОЛЕ: в ее размеры даны в метрах.

роки надо наложить дисциплинарное возмещение, отстранить от состязаний и осудить в товарищеской среде.

Неправы и слишком резко настроенные поклонники футбола. Такие футбольисты односторонни. Играя в футбол, они укрепляют мышцы ног, но ничего не дают для корпуса и рук.

Футбол развивает целый ряд ценных качеств: находчивость, быструю ориентировку, смелость, ловкость, быстроту, мужество, решимость и т. д.

Опасность в футболе есть, но она не так велика, как изображают противники футбола. Более того, статистика говорит совсем обратное. В Германии вычислено, что на 1000 состязаний приходится 4,63 несчастных случаев, на 1000 команд — 2,31, на 1000 игроков — 0,21.

Футбол, помимо индивидуальных качеств, развивает навык к коллективному и совместному действию. Футбол представляет игроку свободу действий в своей области, поощряет инициативу и изобретательность отдельного игрока, вместе с тем требует полной согласованности с целями и

подноски, столкновения игроков посреди поля, применение грубых приемов — обычно являются показателями невысокого технического уровня команды.

Как мы уже говорили, в футболе одновременно играют 22 человека, по 11 с каждой стороны.

Поле, на котором производится игра, делается по плану размером 105 на 60 метров.

Со всех сторон поле расчерчивается линиями. Длинные линии называются бокови-

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

В КОМСОМОЛЬСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ

О. ПУШАС, рисунок В. СУТЕЕВА

подзатыльник

В РЕДАКЦИЮ были доставлены записки, по мнению некоторых товарищей, принадлежащие первому летописцу комсомольской организации гор. Глупова.

Г Не зная точно имени автора, мы все же изучаем, ибо они могут оказать помощь комсомольцу при посещении им не только съездов, конференций и пленумов, но и простых собраний.

§ 1. Во время пения «Молодой Гвардии»—пой.

§ 2. Перед докладом и после таковых бурно аплодируй.

§ 3. Когда поминают погибших на революционном посту—вставай.

§ 4. При поднятии резолюции голосуй за или воздерживайся. Но в случае воздержания—будь осторожен: это может быть истолковано, как несогласие с линией.

§ 5. Сам в прениях не выступай. Если же запишешься, то встань и скажи, что выступавшие ранее товарищи уже высказали твою точку зрения. Таким образом, не высказывай своего мнения, будешь отмечен, как активист.

§ 6. Если тебе придется выступать до вынесения резолюции высшими инстанциями, начинай так: «Как правильно заметил тоб. секретарь...»

§ 7. Кандидатур не выдвигай—это за тебя сделают другие.

§ 8. Своего мнения не имей—на это есть глубоком.

§ 9. По принципиальным вопросам не высказывайся; вноси только практические предложения: «пропону прекратить в зале курение» или «предлагаю ограничить время оратора».

§ 10. Все резолюции принимай единогласно.

§ 11. С секретарем здоровайся за руку.

§ 12. Произведения вождей не читай, но цитируй.

§ 13. Дабы иметь в здоровом теле здоровый дух, питай Семашко.

§ 14. Всегда заполняй аккуратно и во время, но писать в них можешь все, что угодно: их все равно никто не читает.

§ 15. Тише едешь, выше доли.

§ 16. Дел можешь не иметь, но портфель носи.

§ 17. Глас начальства—голос божий. Он же почитается и гласом масс.